ДБ
350
Д 27
Дейч, Л.Г.
Социалист.
движение.
Ростов-Дон., 1925

DB
350
D 27

Л. Г. ДЕЙЧ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

НАЧАЛА 70-х ГОДОВ В РОССИИ

(К ПОЛУВЕКОВОМУ ЮБИЛЕЮ)

„БУРЕВЕСТНИК“ :: 1925

БУРЕВЕСТНИК

9 (47) „1870—80"
Д 27.

Л. Г. ДЕЙЧ

DБ
350
D 27

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

НАЧАЛА 70-х ГОДОВ В РОССИИ

(К ПОЛУВЕКОВОМУ ЮБИЛЕЮ)

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
196386

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ЗАПИСКИ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ Гр. ПАЛЕНА: «УСПЕХИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ В РОССИИ»

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ КРАЕВОЕ ПАРТИЙНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БУРЕВЕСТНИК"
РОСТОВ-ДОН ◇ 1925

DK

БИБЛИОТЕКА
Аграрного
ИНСТИТУТА

602
30

Отпечатано
в Книжной типографии
С.-К. Краевого Партийного
Издательства «Буревестник»,
Краснодар, Пролетарская 23,
в феврале месяце 1925 года.
в количестве 5.000 экземпл.
Издание № 267.

Кубокрлит № 688. Заказ № 51.

Вместо предисловия.

Сперва — несколько слов по поводу «Приложения».

Министр юстиции в 70-х г. г. минувшего столетия, гр. Пален, ознакомившись с производившимся уполномоченными лицами судебного ведомства вместе с чинами жандармских правлений расследованием обнаружившегося во многих местностях России социалистического движения, счел нужным представить высшим сферам добытые этим путем сведения. Составленная с этой целью записка, отпечатанная в небольшом числе экземпляров, была разослана лишь виднейшим правительственным лицам. Тем не менее, она все же тотчас попала в руки революционеров, которые, понятно, позаботились о наивозможно более широком ее распространении: сперва она была перепечатана в газете «Вперед» Лаврова, а затем существовавшая в средине 70-х г. г. в Швейцарии группа «Работник», снабдив эту записку своим предисловием и послесловием, выпустила ее в виде отдельной брошюры, помещаемой здесь в приложении.

Одно время эта брошюра играла довольно заметную роль в нашем движении: ее можно было найти у многих пропагандистов, пользовавшихся ею, как хорошим агитационным материалом. Но уже в конце того замечательного десятилетия,—с возникновением террористического направления,—она потеряла свое значение; затем была совершенно забыта и редко упоминалась в печати[1]). Давно уже стала она библиографической редкостью; едва-ли, поэтому, современники имеют о ней хотя-бы отдаленное представление. Между тем знакомство с этим замечательным официальным свидетельством о давно минувших днях небесполезно, в особенности, лицам, интересующимся историей нашего революционного движения. Тем более кстати воспроизведение этой архаической брошюры, что теперь истекает ровно полстолетия со времени ее появления.

Не излишне также познакомиться и со взглядами, высказанными по ее поводу одним из редакторов «Работника», которым,

---

[1]) Насколько могу припомнить, только В. Бурцев в кн. «За сто лет» и В. Богучарский в своей крайне неудачной книге об «Активном народничестве» привели из этой записки выдержки; историк же нашего революционного движения, проф. Тун, посвятил ей всего три строчки петита в выноске.

насколько могу вспомнить, был известный чайковец Дм. Алек. Клеменц, ставший впоследствии знаменитым этнографом-антропологом. Но для непосвященного в подробности того далекого прошлого, современника читателя, необходимы еще значительные пояснения, поправки и дополнения, которые я и намерен здесь представить.

* * *

В немногих словах содержание записки гр. Палена сводится к следующему.

Летом 1874 г. явною и тайною полицией было открыто, что в огромном числе губерний Европейской России широко распространены связанные между собою единством взглядов и стремлений революционные кружки, стремящиеся, путем сближения с трудящимися массами и посредством социалистической среди них пропаганды, коренным образом изменить существовавший строй. С этой целью, преимущественно учащаяся молодежь, вошедшая в эти кружки, переодевшись в платье крестьян и запасшись фальшивыми паспортами, отправилась «в народ», где, в устных беседах и при посредстве чтения подпольных произведений, призывала крестьян к восстанию.

Записка гр. Палена дает далее в своем роде небезынтересный «исторический очерк» возникновения у нас этого, конечно, «пагубного движения», грозившего стране многими тяжелыми и печальными последствиями.

По сообщению царского министра, в конце 60-х г. г. в некоторых наших городах существовали кружки молодежи, занимавшиеся саморазвитием и стремившиеся оказывать материальную поддержку своим членам. Но вскоре затем на впечатлительную, восприимчивую молодежь стала неблагоприятно влиять как местная, так и заграничная «обличительная» литература, прикрывавшаяся «громкими фразами» о, будто бы, бедственном положении низших слоев населения и проповедывавшая несбыточные идеалы. Незнакомая с действительностью молодежь, поддавшись этой «ложной, демагогической» проповеди, начала обсуждать причины «будто бы безвыходного положения простонародья», после чего нашла, что одной из главных причин является неграмотность народных масс, а потому признала необходимым заботиться о поднятии их умственного и нравственного уровня. Эту, в сущности, еще мирную, безобидную молодежь сбили затем с толка известные эмигранты — Лавров и Бакунин, в особенности, последний.

Проникшаяся «ядом преступных учений» молодежь задалась тогда целью организовать «разнузданную народную чернь всего освобожденного человечества для создания нового общечеловеческого мира». При этом, по заявлению высоконравственного графа, «деятели революционной пропаганды.... не останавливались ни перед чем, не стеснялись никакими условиями и

препятствиями»; в результате всего этого «к концу 1874 г. большая половина России была покрыта сетью революционных кружков и агентов».

Столь быстрые успехи «тлетворой пропаганды», по убеждению этого государственного мужа, обусловливались апатией, равнодушием, а также и сочувствием некоторой части общества, с одной стороны, и «отсутствием нравственных основ воспитания в семьях» — с другой. Поэтому-то молодежь и оказывалась не проникнутой началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности».

Таково, в сущности, содержание знаменитой графской записки, в которой, под большим секретом, он осведомлял правительственных лиц о грозившей стране опасности, ввиду широко распространившегося в ней «преступного сообщества». Даже лица, мало знакомые тогда с революционерами, видели, насколько министр в своей записке был далек от истины и, наоборот, из его же сообщения они убеждались, что правительство чрезвычайно страшится революционного движения.

В этом отношении записка гр. Палена представила для деятелей начала 70-х г. г. значительный агитационный материал: коли всемогущее правительство, располагающее огромным штатом явной и тайной полиции, к тому же переловившее уже очень большое число революционеров, все же считает недостаточными находящиеся в его распоряжении средства для уничтожения грозящей ему опасности, значит, последняя действительно, велика; следовательно, существуют основательные причины, породившие эту «обширную тайную организацию».

Таким образом, движение «в народ», казавшееся сперва многим посторонним лицам нелепым, сумасбродным и, в лучшем случае, крайне утопичным, фантастичным, по прочтении записки гр. Палена, представлялось, по крайней мере некоторым, в ином свете.

Кроме того, эта записка давала нам, революционерам, обильный материал для нападения, для обвинений правительства: сам, мол, министр юстиции признавал в ней, что возникшие в конце 60-х г. г. среди учащейся молодежи кружки саморазвития и кружки для оказывания взаимной помощи нуждавшимся были вполне мирны, однако, он умолчал, что, несмотря на безобидный их характер, члены этих кружков все же подвергались суровым преследованиям. Разумен ли, справедлив ли тот строй, в котором подвергаются тяжелым карам лица, признаваемые самим министром юстиции мирными и виновные лишь в том, что они собираются для совместного чтения легально вышедшей брошюры? Допустимо ли заключать в тюрьмы, а затем высылать административно в отдаленные места молодых людей, занимавшихся обучением грамоте лиц, лишенных раньше возможности ее усвоить?

Подобных неопровержимых против правительства обвинений записка гр. Палена давала немало, почему она и приносила нам большую услугу.

С другой стороны, нам нетрудно было также показать, до чего нелогичны приведенные министром юстиции причины возникшего вдруг в большей части страны революционного движения; затем смешными и вздорными считали мы возведенные гр. Паленом против нас обвинения в пользовании всеми без разбора средствами в борьбе с правительством: при распространенных в ту пору среди революционеров альтруизме и экзальтированности, когда ради трудящихся масс они охотно отказывались от всего личного, от всех земных благ,— обвинения в безнравственности со стороны представителей насквозь погрязшего во всевозможных пороках господствовавшего слоя,— вызывали лишь презрительный смех.

Особенно в записке занимавшего высокий государственный пост графа бросалось в глаза полное его незнакомство с современными социальными условиями, с неимоверно бедственным положением трудящегося населения, а также с действительными причинами возникшего среди учащейся молодежи довольно широкого революционного движения. По изложению гр. Палена выходило, будто в стране была тишь да гладь, и лишь когда в конце 60-х г. г. впервые, будто-бы, появилась «обличительная литература», да несколько видных эмигрантов стали совращать впечатлительную молодежь громкими фразами о народных бедствиях и лестными эпитетами по ее адресу,— она вступила на «преступный путь».

Не надо было обладать большими познаниями для опровержения столь грубого невежества или сознательной лжи: каждый мало-мальски развитой юноша знал, что революционное движение у нас возникло не в конце лишь 60-х г. г., а гораздо раньше, и что причины этого были совсем не те, на которые указал просвещенный министр юстиции.

Мне кажется нелишним подробнее коснуться затронутых этой запиской вопросов.

Л. Дейч.

Январь 1925 г.
Москва.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

НАЧАЛА 70-х ГОДОВ В РОССИИ

I.

Некоторые мемуаристы и исследователи нашего революционного движения 70-х г. г. тоже объясняли его возникновение, в числе других причин, влиянием на передовую молодежь тенденциозной литературы и наших выдающихся эмигрантов, но ставили это не в вину, а, наоборот, в заслугу указанным факторам. Нельзя, конечно, отрицать за последними известной роли, однако, ими далеко не исчерпываются причины, вызвавшие у нас в начале 70-х г. г. относительно крупное движение, известное под названием «хождение в народ».

Еще большее значение многие непосредственные участники революционного движения указанного периода приписывали жестоким правительственным преследованиям. В этом отношении некоторые из них впадали в большие преувеличения: по их словам выходило, что, не будь со стороны правительства такого отношения, какое оно проявило, у нас вовсе не было бы революционного движения. Чтобы напомнить об этих преувеличениях, приведу здесь несколько наиболее характерных и авторитетных заявлений. Так, главные подсудимые по самому важному политическому процессу, известнейшие террористы дали во время процессов такие объяснения: «Мы, — заявил на суде Желябов, — переиспытав разные способы действовать на пользу народа, в начале 70-х г. г. избрали одно из средств (агитации), именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение крайне безобидное по своим средствам, и чем оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное — было подавлено» [1]).

Аналогичное объяснение дала и С. Перовская.

«Стремясь к поднятию экономического благосостояния народа, а также уровня его нравственного и умственного развития, — заявила она, — члены партии, с целью пробудить в народе общественную жизнь и сознание гражданских прав, стали селиться в разных местностях среди народа для пропаганды. Когда же правительство ответило на это рядом репрессивных

---

[1]) «Дело 1-го марта 1881 г.» Кн-во «Своб. Труд.» 1906 г., ст. 337.

мер и тем сделало такую постановку деятельности невозможной, партия, после долгого колебания, была вынуждена перейти к политической борьбе против существующих государственных форм, как главного препятствия к достижению целей партии» [1]).

Наиболее характерное объяснение дал Н. Кибальчич.

«В 1874 и 1875 г. г.,— сказал он,— когда преобладающим настроением в партии явилось желание итти «в народ», слиться с народною массой, отречься от той среды, в которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовал и разделял взгляды этого направления. Вероятно, я бы осуществил свою задачу, если бы этому не помешал арест. Конечно, если бы не этот арест, если бы не строгие меры властей по отношению к деятелям, ходящим «в народ», то я бы ушел в народ и был бы до сих пор там. Цели, которые я ставил, были отчасти культурного характера, отчасти социалистического, а именно, поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуют в народе, до социалистических инстинктов и привычек. Я был остановлен арестом..... Если бы власти отнеслись, так сказать, патриархально, что ли, к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы..... Мы..... были бы среди городского и крестьянского населения. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение сельскохозяйственных орудий» [2]).

Совершенно тождественные объяснения давали все народовольцы. А. Корба (по процессу 17-ти в 1883 г.), между прочим, заявила: «Партия желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных" [3]).

П. Якубович (по процессу 21-го (Лопатина) в 1887 г.) пошел еще дальше: «Наша формула,—сказал он,— призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров» [4]).

Преследованиям правительства приписывали в своих произведениях причину перехода к насильственным действиям также бунтарь В. Дебогорий-Мокриевич, террорист С. Кравчинский, анархист П. Кропоткин и др.. В подтверждение этого приведу еще выдержку из «Воспоминаний» первого из названных лиц.

«Движение наше улеглось бы,— заявляет Дебогорий-Мокриевич,— приняло бы более спокойное течение и в конце-концов, пожалуй, мы оказались бы ни чем другим, как «крайней левой» нашего общеземского движения. Осели бы мы по деревням, кто в качестве учителя, кто фельдшером, кто ремесленником и стали бы пропагандировать идеи социализма... Сам собой вступил бы на очередь вопрос о распространении в народе

---

[1]) «Дело 1-го марта 1881 г.» Кн-во «Своб. Труд» 1906 г. стр. 337.
[2]) Там же стр. 87 — 88.
[3]) «Былое» № 3, стр. 173. (Загр. изд. Бурцева).
[4]) См. бр. «Процесс 21», Женева 1888 г. стр. 21 — 23.

грамотности и тому подобной культурной деятельности..., если бы у нас, вместо злого и глупого правительства, оказалось бы умное, которое сумело бы правильно взглянуть на движение и предоставило бы его течение самому себе» [1]).

Подобных объяснений можно привести еще немало. Говоря точнее: все подсудимые, дававшие во время судебных процессов объяснения по поводу причин, вызвавших у нас революционное движение, а также лица, делившиеся своими воспоминаниями, касаясь этого вопроса, приписывали вину правительственным преследованиям. Как те, так и другие вполне искренно полагали, что «отнесись правительство патриархально к нашей деятельности», у нас не было бы революционного движения.

Повидимому никому из этих лиц не приходил на ум вопрос, возможно ли было в действительности, а не в одном лишь воображении, неограниченное, самодержавное правительство, относящееся «патриархально» хотя бы к самой мирной проповеди среди трудящихся масс социализма, т.-е. к проповеди коренного изменения существовавшего строя. Мыслимо ли, чтобы такое правительство было спокойно насчет последствий от подобной деятельности. Могла ли у него быть уверенность в том, что даже помимо воли этих пропагандистов не произошло бы в стране никаких эксцессов, опасных для данного строя? Если гипотетически возможно допустить, что, не будь никаких правительственных преследований, все социалисты до скончания дней своих фактически оставались бы мирнейшими культурниками, то была ли какая-нибудь гарантия, что, по истечении того или иного периода времени, не появились бы извне отдельные лица, которые не хотели бы мириться с умеренностью и аккуратностью большинства и разрушили бы мирный характер его деятельности. Известно, что всюду и во все времена так именно и происходило: с течением времени на сцену выступали новые деятели, не желавшие мириться с установленными кодексами и рамками, лица, стремившиеся ускорить медленный, постепенный процесс и нарушавшие установившуюся «общую гармонию». Новаторы, прокладывавшие иные пути, всегда шли напролом и только таким образом двигалось вперед данное общество.

Не будем удаляться в глубь истории,— остановимся на времени «реформ» Александра II.

---

[1]) «Воспоминания» Кн-во «Своб. Труд», СПБ, 1906 г. стр. 180.

II.

Сотни, если не тысячи, раз уже повторялось, что в первые годы нового царствования все передовые люди, не исключая знаменитых наших эмигрантов Бакунина, Герцена, Огарева, с восторгом отнеслись к предпринятым Александром II реформам. Даже столь осторожный и дальновидный мыслитель, каким, несомненно, был Чернышевский, писал в конце 50-х г.г.: «Уже одно только дело уничтожения крепостного права благословляет времена Александра II славою, высочайшею в мире».

Всеобщее преклонение со стороны прогрессивных слоев населения перед новым царем было вполне естественно после длившегося целых тридцать лет жестокого владычества его отца. Александр II давал основания к самым радужным надеждам. Все лучшее, честное, передовое воспряло поэтому духом, оживилось, набралось энергии.

Не отстала, конечно, от общего настроения всегда чуткая, восприимчивая ко всему хорошему, молодежь. Юноши и молодые девушки, нередко также пожилые и даже старые люди рвались на работу, стремясь содействовать прогрессу дорогой, но ужасно отставшей от всех цивилизованных стран, родине. Дел было множество, но, прежде всего, необходимо было просветить, поднять уровень сплошь неграмотного, косневшего в предрассудках и суевериях, трудящегося населения.

И вот в городах стали открываться особого типа воскресные и вечерние школы для взрослых, прислуги, рабочих, извозчиков, массами поваливших в эти новые храмы, в которых с энтузиазмом обучали, конечно, безвозмездно «баре», «господа», превратившиеся в добровольных педагогов. В их число входили помещики, офицеры, чиновники, не говоря уже о студентах, гимназистах, семинаристах. Все охвачены были одним чувством восторга, что наступила новая полоса в жизни страны, и каждый может способствовать ее перерождению.

Поддалось, видимо, общему настроению и правительство; оно не только не препятствовало возникновению этих школ, но, наоборот, всячески поощряло их.

Преподавались там: грамота, первые арифметические действия и элементарные сведения о вселенной. Но случалось, что иной юный педагог выходил из намеченной программы и по

собственной инициативе или к слову, в ответ на заданный любознательным учеником вопрос, сообщал и что-нибудь сверх положенного,— о жизни в странах, управлявшихся выборными от населения, о духовенстве, «чудесах» и т. п.. В результате таких отступлений от программы было закрытие всех этих школ, в которых уже с самого их возникновения реакционеры узрели очаги революции.

Если мы примем во внимание переживавшееся тогда страной напряженное состояние, вызванное освобождением миллионов «душ» от крепостной зависимости и, в связи с этим важным актом, распространившиеся в народе всевозможные толки о воле, а потому происходившие во многих местностях волнения, то придется признать, что тревоги и опасения крепостников не лишены были некоторых оснований: не одни лишь реакционеры, но и либералы, радикалы, а также социалисты, не исключая Герцена, Огарева, Чернышевского, в начале 60-х г.г. допускали возможность крупного народного восстания, вроде пугачевщины. Поэтому не только для неуверенного в себе, легко поддававшегося чужому влиянию венценосца, каким вскоре оказался новый царь, но и для противоположного ему по характеру самодержца, даже наделенного непреклонной волей, настойчивостью, энергией, разрешение создавшегося после крымского поражения развала представило бы чрезвычайно трудную задачу.

III.

С освобождением крестьян Россия расставалась с патриархальным бытом, от натурального хозяйства переходила к капиталистическому. Весь строй ее подвергался сильнейшей встряске, все основы подлежали радикальному изменению. При этих условиях взять сразу правильный «курс», чтобы без колебаний и ошибок вывести страну на торную дорогу, едва ли смог бы даже гениальный самодержец. Где же было справиться с полученной от отца огромной, почти совершенно разоренной вотчиной дюжинному человеку, каким был Александр II!

Самодержавный вершитель судеб многомиллионного государства в один из сложнейших моментов его исторической жизни, ко всему прочему, был окружен оставленными ему в наследство бездарнейшими советниками, старавшимися удерживать его от осуществления назревших реформ, от исполнения желаний прогрессивной части общества, пугая слабовольного царя перспе́ктивами Людовика XVI и пугачевщины.

Между тем, даже наиболее положительные «властители дум» крайнего лагеря, которыми, как известно, являлись, с одной стороны — Герцен, а с другой — Чернышевский, допускали одно время возможность, что Александр II согласится стать народным или «земским царем» и поведет свою вотчину по совершенно новому пути, что он будет защищать исключительно интересы трудящихся. Они полагали, что царь вполне независим от господствовавшего помещичье-бюрократического строя и волен делать, что пожелает.

«Было время не так давно,— писал Герцен в конце 1861 г. в «Колоколе»,— мы думали, что Александр II — настоящий царь, освободитель народа... Мы вместе со многими ждали многого... И мы вместе со многими обманулись».

Теперь кажется совершенно непонятным, каким образом выдающиеся русские мыслители и публицисты той эпохи могли питать столь несбыточные надежды. Разочарование, наступившее еще до объявления манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, вызвало новые, не менее утопические вожделения у вожаков крайнего лагеря. Уже в конце 1861 г. Герцен стал звать учащуюся молодежь «в народ», где «поднимается ропот,— начальный рев морской волны, которая

закипит, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля».

Тогда же впервые начали появляться печатавшиеся в самой России подпольные листки. Так, в вышедшем летом 1861 г. номере «Великоросса», в котором участвовал Чернышевский, между прочим заявлялось:

«Если дела пойдут нынешним путем, надобно ждать больших смут. Правительство ничего не в силах понимать, оно ведет Россию к Пугачевщине... Просвещенные люди должны лишь громко сказать правительству: мы требуем отмены таких-то и таких-то вещей, мы хотим замены их такими-то и такими-то. Требование будет исполнено. Мы не поляки и не мужики. В нас стрелять нельзя»...

Из чего это явствовало, совершенно не понятно: правительство Александра II преспокойно «стреляло в просвещенных людей» и до и после этого заявления, без всяких, конечно, стеснений.

Даже вполне, казалось бы, понимавший настроение трудящихся масс, чрезвычайно умный, энциклопедически ученый Чернышевский считал возможным поднять крестьян на восстание путем распространения среди них прокламаций; как известно, он являлся автором воззвания «К барским крестьянам» в котором, между прочим, объявлялось: «Когда промеж вас единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ, да, что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет приготовленности».

Сообщение, будто «у нас по всем местам свои люди есть», употребленное, конечно, в качестве «агитационного приема», вполне смахивало на широко использованные потом приемы Нечаева, который тоже заявлял, будто его «организация» раскинута «по всем местам», говоря иначе, являлось мистификацией масс.

Несмотря на то, что прокламация «К барским крестьянам» не появилась даже в печати, тем не менее, главным образом, за нее Чернышевский поплатился каторгой и многолетним заключением в Вилюйске...

В это же время были распространены подпольные листки, написанные в еще более резких выражениях, чем предназначавшаяся «барским крестьянам». Наибольшее возбуждение вызвала прокламация—«Молодая Россия», проповедывавшая «демократическую и социальную республику» путем «революции, которая должна радикально изменить все без исключения основы современного общества». Средством для этого провозглашался террор: в случае же сопротивления со стороны консерваторов, авторы прокламации обещали издать крик: «в топоры, и тогда бей... не жалея, как не жалеют нас теперь, бей на площадях, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столицы, бей по деревням и селам».

Библиотека Аграрного

Нетрудно представить себе ужас, охвативший не только реакционеров и правительство, но также либералов и даже многих из наиболее передовых тогда людей. Не одобряли этого листка и наши знаменитые эмигранты. Хотя для всех было несомненно, что инициатором ее являлась небольшая группа лиц, тем не менее правительство сочло нужным прибегнуть к крайне суровым мерам расправы со всякого рода оппозицией, словно последняя была обширна и очень опасна: поистине, оно из пушек стреляло по воробьям, применяя заключения в Петропавловской крепости, ссылку в Сибирь и на каторгу за совершенно ничтожные деяния, а то и по одному лишь подозрению в прикосновенности к ним.

IV.

Между тем, ни у крестьянской массы, ни у преобладавшего большинства даже наиболее крайней молодежи, ни тем более у передовой части общества решительно не было тогда ни малейшей склонности к каким-либо насилиям, тем более — к революции. К последней, как известно, после 1848 г. вполне отрицательно относились тогда не только Герцен и Огарев, но даже Бакунин, печатно объявивший, что он предпочтет Романова в качестве «земского царя» Пестелю и Пугачеву. За ничтожным исключением, учащаяся молодежь, на которую уже тогда стали возлагать все свои упования лица, разочаровавшиеся в благих намерениях «царя-реформатора», не только не рвалась на «бой кровавый», но, наоборот, быстро охладевала к какой-либо самоотверженной беззаветной деятельности для низших трудящихся масс: именно тогда стал среди нее популярен Базаров с его взглядами на русского крестьянина, о благополучии которого разумному, «мыслящему реалисту» не стоит, не имеет смысла заботиться, беспокоиться.

Не будем останавливаться на вопросе о том, верно ли Тургенев в своем знаменитом романе изобразил представителей выдвинувшегося вперед в 60-х годах нового слоя — разночинцев. Повторю лишь вслед за бесчисленным количеством лиц, писавших об этом вопросе, что «Отцы и дети» сыграли огромную роль в истории нашей передовой молодежи. Но, конечно, не этот роман, а также и не талантливый комментатор его, Писарев, создали у нас «нигилизм», хотя нельзя отрицать за тем и другим значительного влияния на многих юношей и молодых женщин, стремившихся стать «мыслящими реалистами»; почву для этого создали возникшие вместе с освобождением крестьян новые социальные отношения, которые также выдвинули на авансцену уже раньше народившийся слой — разночинцев.

Таким образом широкое распространение нигилизма в 60-х годах было естественным последствием создавшихся в стране новых условий.

Полное господство этого течения в том десятилетии служит, между прочим, наилучшим доказательством не только не революционного, но прямо противоположного,—чисто личного, индивидуалистического настроения среди преобладавшего большинства

тогдашней передовой молодежи: не о народе и не об изменении существовавших социальных и политических условий думала она, а исключительно о собственном усовершенствовании, о наилучшем, наиболее «рациональном» благоустройстве своей личной жизни, отчасти по образцу героев «Что делать» Чернышевского,— Лопухова, Кирсанова, Веры Павловны.

Хорошо помню время еще не улегшегося увлечения этим романом во второй половине 60-х годов, когда и я, будучи отроком, зачитывался им.

Предприняв решительную борьбу с устаревшими обычаями, взглядами, привычками, восстав против разных предрассудков, «ненужных церемоний», смешных мод и т. д., нигилисты были убеждены, что с искоренением этих зол они освободят не только себя, но и все общество от главных пут, мешавших каждому устроить свою жизнь «разумной», «целесообразной», почему и не нужны никакие насильственные перевороты и революции.

Как известно, из этой борьбы нигилисты в общем вышли победителями, и некоторым из них, действительно, удалось устроить свою жизнь, согласно требованиям «мыслящего реалиста». Но очень немного от этого выиграло все общество, а тем менее трудящиеся классы. Вскоре обнаружилось, что «среда заедала» также и ярых недавно отрицателей всего «нерационального», и они тоже превращались в заурядных обывателей, одержимых всеми присущими последним свойствами, привычками и недостатками. Сам в юности причисляя себя к нигилистам, я знал многих, горячо боровшихся в студенческие годы за свои «идеалы», но помнится редко кто из них, впоследствии примкнул к возникшему в 70-х годах революционному движению.

Несмотря, однако, на полную свою нереволюционность, нигилизм сыграл у нас огромную и чрезвычайно благотворную роль, очистив и вспахав почву для своих преемников — социалистов. Особенно же велика его заслуга в решении, так называемого, женского вопроса: исключительно благодаря нигилизму, в нашей отсталой, некультурной стране этот вопрос был поставлен на очередь и значительно раньше, чем в самых цивилизованных странах, был решен без всякой почти борьбы со стороны господствовавших слоев. В этом отношении также, конечно, оказала свое влияние и наша передовая литература, опять же потому, что общие социальные условия той эпохи этому благоприятствовали.

V.

Начиная с подавления польского восстания 63-го года до раздавшегося 4-го апреля 1866 года у Летнего сада выстрела, произведенного Каракозовым, решительно все — общество, правительство, молодежь — были убеждены, что нет в стране ни малейших элементов для революционного движения, что, если имелись кое-какие его зародыши в первые годы того десятилетия, то они с корнем были вырваны и истреблены.

В действительности, так оно и было, не потому, что правительство жестоко расправилось с первыми ласточками,— с распространителями упомянутых революционных листков,—хотя репрессивные меры в этом отношении отчасти тоже сыграли некоторую роль,— главной причиной наступившего полного затишья было, конечно, отсутствие тогда в России почвы для революционных действий. Поэтому, несмотря на раздавшийся, как мы знаем, еще в самом начале 60-х г.г. в «Колоколе» призыв итти «в народ», молодежь, не тронувшись с места, занялась «резанием лягушек», проповедью атеизма, разрушением патриархальных взглядов и устройством своей жизни на «рациональных началах». Новые мысли, лозунги, воззвания, как и книги имеют свою судьбу: во-время пущенные в обращение они быстро получают широкое распространение и, наоборот, остаются незамеченными, не дают никаких ростков, когда почва для них не распахана.

То же самое приходится сказать и относительно влияний «зачинщиков», «инициаторов»: одни и те же лица в разные эпохи, следовательно, в иных общественных обстановках, имеют различное значение. Они и сами отчасти меняются под влиянием изменившихся условий и воздействия их не те же. Так, в начале 60-х годов П. Лавров, как известно, считался и являлся в действительности крайне умеренным прогрессистом, почему не имел решительно никакого влияния на передовую молодежь. Но, очутившись случайно в ссылке в северном захолустье, он, благодаря своим «Историческим письмам», сразу стал «властителем дум» не потому, конечно, что это его, в сущности, незначительное и слабое произведение открыло какие-либо новые горизонты, а потому, что оно пришлось ко двору, соответствовало назревшей потребности, ответило явившемуся спросу. То же

потом повторилось с ролью П. Лаврова в качестве редактора газеты «Вперед», когда он очутился в эмиграции.

Противоположным примером может служить судьба Нечаева: несмотря на присущую ему изумительную энергию, настойчивость и беспредельную преданность интересам угнетенных классов он, лишь путем мистификации, смог вовлечь горсточку обманутых им лиц в свой заговор. Но, явись он на десять лет позже, во время деятельности знаменитой «Народной Воли», его роль, по признанию наиболее крупных представителей последней — Желябова, Перовской,— была бы, вероятно, иной. Аналогичных примеров можно привести еще не мало.

В течение десятилетия наша передовая молодежь, несмотря на всевозможные со стороны правительства притеснения, ограничения, а то и жестокие преследования, как мы уже знаем,— оставалась наиболее мирной, безвредной для правящих сфер, вполне лойяльной, даже по признанию министра юстиции гр. Палена. О возмущении, которое вызвало среди всех, не исключая молодежи, покушение Каракозова, не мало сообщалось в нашей прессе [1]). Сколько-нибудь сочувствовавшие, одобрявшие этот акт были столь же редки, как белые вороны. И, тем не менее, напуганное правительство, с знаменитым Муравьевым-вешателем во главе, вновь из пушек стреляло по воробьям,— хватало направо и налево совершенно непричастных людей; тюрьмы были переполнены, и еще более усилилась реакция.

Назначенный на пост министра народного просвещения тупой мракобес и фанатический поклонник классицизма, гр. Д. А. Толстой, задался целью, путем усиленного внедрения в юные головы латинского и греческого языков, предостеречь молодежь от губительных «тлетворных» идей. По этому поводу также давно установилось ошибочное мнение, будто классицизм дал диаметрально противоположные ожиданиям правительства результаты. Этот взгляд, между прочим, высказал в своем обширном произведении даже известный биограф Александра II — Татищев, заявивший, что «классическая реформа дала горькие плоды» (стр. 857).

Как современник, на собственной, так сказать, спине испытавший тяжесть этой системы, я должен сказать, что указанное утверждение не совсем верно. Конечно, бессмысленно преподававшийся у нас классицизм причинял много горя преобладавшему большинству учеников, но, вместе с тем, отнимая у них массу времени и, таким образом, лишая их возможности предаваться саморазвитию, он все же достигал преследуемой правительством цели. Поэтому, полагаю, гимназистов последних классов двух известных мне киевских гимназий, примкнувших к революционному движению, буквально можно по пальцам

---

[1]) Мои воспоминания об этом см. „За полвека", ч. I, изд. „Задруга", 1922 года.

перечесть. То же, насколько мне известно, было тогда повсюду. Правда, не более велик был и контингент реалистов, ставших в наши ряды, что отчасти тоже объясняется их перегруженностью школьными занятиями; главным же образом это вытекало из далеко не столь широко распространенного среди тогдашней учащейся молодежи стремления итти «в стан погибающих», как об этом обычно повествуют преимущественно лица, сами не участвовавшие в нашем революционном движении. Я нисколько не преуменьшу, сказав, что, в общем, очень незначительную дробь процента революционеров давали высшие учебные заведения, средние же — еще во много раз меньшую его долю. То же самое приходится сказать о семинариях и военно-учебных заведениях.

Женские гимназии, институты и епархиальные училища давали значительно меньший контингент приверженок революционной деятельности, чем мужские, что вполне понятно, так как, в общем, женщины уступали в развитии, начитанности юношам их возраста. Зато, раз примкнув к революционному лагерю, они стойкостью и самоотверженностью нередко превосходили мужчин. Высших учебных заведений для женщин, как известно, не было тогда в России,— первые медицинские курсы для них были открыты в 1873 г.. Поэтому, наиболее предприимчивые женщины, желавшие приобрести специальные знания, отправлялись в Швейцарию, главным образом в Цюрих, где местный университет и политехникум открыли им доступ. Не мало затем писалось также о крупной роли, которую сыграли в нашем революционном движении «цюрихские студентки». Коснусь здесь поэтому и их.

Во время пребывания в Цюрихе нашей женской молодежи этот город стал центром русской эмиграции: туда съехались представители разных фракций, между которыми, понятно, велись жестокие дебаты; там происходили обширные и чрезвычайно оживленные собрания, на которых обсуждались преимущества тех или других революционных путей и т. д..

Естественно, поэтому, что приехавшая в Швейцарию для изучения медицины и других наук молодежь, вместо своих курсов, стала усердно посещать эти интересные дискуссии; затем большая часть ее примкнула к лавристам и лишь немногие к бакунистам, после чего некоторые, сорганизовавшись там же в кружки, возвратились в Россию, чтобы вступить на практическое поприще.

Сообщая о «цюрихских студентках», некоторые современники изображали их деятельность так, что получалось представление, будто они дали сильный толчок нашему революционному движению, внесли в него нечто новое. Прежде всего, замечу, что лишь небольшая часть приехавших обратно в Россию, maximum два-три десятка человек, приняла активное участие в общей работе; но, как я уже упомянул, преобладающая

часть явилась в качестве лавристок и уже по одному этому они не могли играть заметной роли, так как это направление считалось черезчур умеренным. К тому же, за редкими исключениями, «цюрихские студентки» вовсе не выделялись своими дарованиями. Не столько своей непродолжительной деятельностью, сколько своим процессом (50-ти), на котором С. Бардина и рабочий Петр Алексеев произнесли хорошие речи, они имели некоторое влияние. Но, как известно, это произошло в 1877 году, следовательно, уже в то время, когда наше движение приняло вполне бакунинский характер, а лавризм отмирал. Не следует упускать этого из вида, в противном случае наше прошлое будет представляться в неправильном освещении.

Что касается влияния выдающихся «властителей дум» тогдашней молодежи, роли в нашем движении Лаврова и Бакунина, то они бесспорно были значительны, в особенности влияние последнего; но по этому поводу можно то же самое сказать, что и о роли Герцена, Чернышевского, Писарева,— она обусловливалась своевременностью провозглашенных ими идей, программ, лозунгов, т.-е. постольку они имели успех, поскольку отвечали данным настроениям, возникшему на них спросу.

В самом начале 70-х годов наибольшую роль играл Лавров; все тогда способствовало успеху мирной социалистической пропаганды, что, главным образом, обусловливалось полной неопытностью передовой молодежи, которая была проникнута прекрасными, хотя и крайне смутными стремлениями. Но эту роль Лавров удержал лишь в течение очень короткого времени, двух-трех лет не более. Уже зимой 1873 г., еще до начала «массового» движения в «народ», в некоторых городах на юге, а также отчасти в столицах, сторонники Бакунина оспаривали у лавристов преобладающее влияние на передовую молодежь.

Наконец, кроме мною перечисленных обстоятельств, а также и лиц, которым некоторые отчасти ошибочно приписывали чрезмерное значение в возникшем у нас в 70-х годах социалистическом движении, нередко еще сообщалось об огромной роли двух крупнейших событий в истории международного рабочего движения — Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Мне вновь приходится повторить, что и для их успеха была уже подготовлена почва.

Остановимся теперь на обстоятельствах, подготовивших в России революционное движение.

VI.

Сколь тщательно ни ограждал Николай I свою вотчину железным барьером от влияния на нее Запада, все же «тлетворные» учения оттуда проникали в нее: еще в конце 40-х годов был накрыт в Петербурге, на квартире Петрашевского, довольно обширный круг лиц, занимавшихся изучением фурьеризма, за что они, как известно, поплатились самым жестоким образом.

С наступившим при Александре II некоторым послаблением неимоверных цензурных строгостей, произведения европейских ученых и публицистов стали свободнее проникать к нам в подлинниках, а нередко, хотя и эзоповским языком, они излагались на страницах передовых журналов; я уже упомянул о широком распространении романа «Что делать», в котором, в виде снов его героини, излагались планы Фурье. Как известно, одно время эти «сны Веры Павловны» стали отчасти осуществляться в действительности: под их влиянием передовая молодежь начала заводить разного рода производительные и потребительные товарищества. Но эти «ассоциации» скоро распадались, не вследствие внешних обстоятельств — правительственных преследований, а, главным образом, по внутренним причинам — неспособности нашей интеллигентной молодежи к ведению каких-либо практических предприятий, что иногда сопровождалось более или менее крупными скандалами и разбирательствами в мировом суде.

Лишь незначительный контингент «мыслящего пролетариата» принял участие в этом увлечении примером Веры Павловны; большинство же разночинцев устремилось, когда представилась к этому возможность, занять легальные должности — учителей, врачей, защитников, чтобы на этих поприщах возможно разумнее, «рациональнее» устроить свою личную жизнь. Но, как мы уже знаем, эти безобидные намерения жестоко разбивала неприглядная русская действительность. Тогдашние социально-политические условия России вскоре наглядно показали всю химеричность даже скромного желания стать честным работником на официальной или общественной службе: всюду и везде лицам, задавшимся столь невинной целью, приходилось круто, раз они не соглашались вступать в сделки со своей совестью, не примыкали к сонму всевозможных стяжателей, эксплоатировавших

обездоленную трудящуюся массу. Поэтому, как я уже упомянул, немногие из бывших рьяных «нигилистов» устояли до конца от затягивавшей их тины. Это обстоятельство, в свою очередь, имело положительный результат: оно послужило предостережением для некоторой, правда, крайне незначительной, части нового подрастающего поколения. Тогда стал усиленно распространяться взгляд, что невозможно ничего делать на легальном поприще, оставаясь честным человеком.

Конечно, далеко не все убедившиеся в правильности этого практического вывода сделались социалистами; как я уже упомянул, ими стали лишь единицы, ничтожный процент общего числа даже наиболее развитых, сознательных и честных молодых людей.

Помню, как некоторые из нас удивлялись, читая обращения Бакунина к «честной, искренней, беззаветно преданной народным интересам учащейся молодежи», контингент которой он даже определял в 40.000 человек,—очевидно занося в это число всех студентов, гимназистов, семинаристов. Да и в этом случае, едва ли столько набралось бы: [1]) в ту пору как правительство, так и сами участники движения, за редким исключением, очень склонны были, конечно, по разным мотивам черезчур преувеличивать контингент революционеров.

Возможно, что у некоторых возникнет вопрос: почему к, так называемому, «массовому» движению «в народ» примкнуло лишь меньшинство, а не все или хотя бы преобладающее большинство тогда учившихся в наших высших учебных заведениях? Ведь, социально-политические условия, а также литература, эмиграция и другие перечисленные обстоятельства одинаково влияли на всю тогдашнюю передовую молодежь? Значит, кроме мною приведенных причин, были другие, еще более важные обстоятельства, заставлявшие преобладающую часть передовой молодежи остаться в стороне от движения?

Таковая, к тому же чрезвычайно важная причина, действительно существовала. Хотя вся передовая молодежь находилась под влиянием одних и тех же условий, но последние, конечно, не производили одинакового действия на всех, они не давали одинаковых результатов, потому что различны были индивидуальные способности, степень развития и другие черты у разных лиц, принадлежавших к тогдашней передовой молодежи. Из этого иной, быть может, заключит, что, по моему мнению на сторону угнетенных масс перешли все наиболее даровитые, умные, развитые люди тогдашнего интеллигентного слоя. Такое заключение было бы не верно. Правда, не мало замечательно талантливых, почти гениальных лиц вступило в революционную среду, и почти все эти лица преждевременно погибли в неравной

---

[1]) См. «Государственность и Анархия», приложение А; Женева, 1874 г..

борьбе с правительством. Все же было бы чрезмерным преувеличением и полным, следовательно, извращением всего нашего прошлого утверждение, будто, все наиболее выдающиеся представители того интеллигентного слоя становились сторонниками нелегальной, революционной деятельности. Нет, не мало, конечно, даровитых и образованных лиц осталось в противоположном лагере,— среди либералов разных степеней, а также среди консерваторов и даже реакционеров-мракобесов.

Одни умственные дарования людей никогда не были достаточным условием для направления их симпатий в сторону эксплоатируемых угнетенных классов. Наиболее важной, чем интеллектуальные свойства, чертой, определяющей выбор для каждого того или другого лагеря — при одинаковых условиях,— являлось сочувствие, сострадание к «униженным и оскорбленным», к обездоленным массам. Но тогда возможен вопрос: при чем же, в таком случае, материалистическое объяснение?

Читатель, я уверен, не посетует, если, вместо собственного ответа, я приведу довольно большую выдержку из одной статьи Плеханова, рассматривающей этот вопрос.

«Почему люди, имеющие возможность пользоваться привилегией, восстают иногда против ее существования? Как объясняется это несомненное явление? И не опровергает ли оно собою той материалистической теории, согласно которой стремления всякого данного общественного класса (или сословия) определяются, в последнем счете, его интересами»? — писал Плеханов в статье о Герцене.

«Маркс и Энгельс говорят в знаменитом «Манифесте», что в тот исторический момент, когда борьба классов, в своем данном виде, приближается к развязке, процесс разложения охватывает весь господствующий класс, вследствие чего от него отделяются некоторые его элементы, переходя на стороны угнетенного класса, борющегося за свое освобождение. В доказательство авторы «Манифеста» указывают на то, что некогда часть дворянства перешла на сторону буржуазии, а в наши дни некоторые элементы буржуазии переходят на сторону пролетариата. Они правы. Если мы примем во внимание указываемые ими неоспоримые исторические факты, то дело представляется нам в таком виде.

Стремления различных общественных классов определяются их положением, т.-е., значит, их интересами. Но так как классовые положения, а, следовательно, и классовые интересы различны, то различны и обусловленные ими стремления. Когда человек, принадлежащий к господствующему классу, переходит на сторону класса угнетенного, тогда он доказывает этим не то, что он освободился от всякого вообще классового влияния, а только то, что он вышел из-под влияния одного класса и попал под влияние другого. Стало быть, его пример не опровергает исторического материализма,

а только предостерегает от его узкого и одностороннего понимания» [1]).

Но, быть может, заметит читатель, что в приведенной выдержке нет ничего говорящего о необходимости сочувствия, сострадания для того, чтобы лица привилегированных слоев перешли на сторону угнетенных масс. По этому поводу Плеханов тоже высказался в названной статье:

«В исключительные эпохи,— писал он,— недалеко от момента крушения данного порядка, известная часть юных кандидатов на роль эксплоататоров не подчиняется общему правилу. Она состоит, разумеется, из наиболее отзывчивых индивидуумов» (стр. 46; подчеркнуто мной Л. Д.). В выноске на той же странице он поясняет: «Прилагательное «отзывчивые»» я употребляю здесь для обозначения способности сочувствовать страданиям окружающих. Способность эта не всегда бывает значительно развита даже у очень даровитых личностей».

Сам Плеханов служит подтверждением правильности всего этого объяснения: с детства и до смерти он отличался необыкновенной отзывчивостью, сочувствием ко всем без различия страдающим и не только к людям, но также к животным. Напомню о его собственном объяснении, почему он, сын помещика, стал на сторону эксплоатируемых.

«Как и все студенты-революционеры того времени,— писал он в «Русском рабочем в революционном движении»,— я, конечно, был большим народолюбцем и собирался «итти в народ», понятие о котором было у меня, однако, опять-таки как у всех нас студентов-революционеров того времени, очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне» (10 стр.).

Подобные же сообщения о любви к народу мы находим у всех участников того движения, которым пришлось касаться вопроса, что их побудило сделаться революционерами. Чувства жалости, сострадания, при соответственном стечении обстоятельств, служили в ту эпоху первыми стимулами, побуждавшими тогдашнюю передовую молодежь вступить «в стан погибавших за великое дело любви». Но, опять же из этого вовсе не следует, что вне революционной среды не было больше людей, обладавших этими же чувствами. Само собой разумеется, что не мало было тогда добрых, сострадательных и отзывчивых людей, которые тем не менее находились вне революционного движения и, наоборот, среди присоединившихся к нему иногда встречались индивидуумы, вовсе не отличавшиеся этими качествами. Как известно, не мало попадало в революционную среду людей неустойчивых, малодушных, крайне себялюбивых,

---

[1]) «Герцен и Крепостное право», стр. 43—44, брош. «А. И. Герцен» Госиздат 1924 г. М..

и слабохарактерных, лишь временно увлекавшихся, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств, главным образом, очутившись в тюремном заключении, не только чистосердечно раскаивались, но также становились ренегатами, предававшими всех и все.

Таким образом, необходимо было сочетание многих как общих, внешних условий, так и частных, семейных и часто личных, чтобы данные индивидуумы могли становиться революционерами.

VII.

Как я уже выше сказал, почву для революционной деятельности подготовили «нигилисты», а их, в свою очередь, создали возникшие в стране с освобождением крестьян новые условия общественной жизни, выдвинувшие вперед разночинцев. Но, чтобы последние могли сделаться революционерами, им необходимо было убедиться в невозможности легальной деятельности. Действительно, насколько могу припомнить, почти все участники движения 70-х годов сперва пробовали свои силы на культурном поприще и вовсе не тотчас, после испытанных там неудач, все «сердобольные» разночинцы переходили на нелегальный путь, т.-е. отказывались от занимаемых ими привилегированных положений и сжигали за собою корабли. Наоборот, многие полагали,— правда в течение лишь короткого времени,— что возможно сохранять свое социальное положение, не расставаться с учебными заведениями, в которых они обучались, не покидая занимаемых ими должностей, действуя в это же время на революционном поприще. Но в большинстве случаев такие сочетания очень скоро приводили к крайне неблагоприятным результатам, почему лица, стремившиеся к таким совмещениям несовместимого, быстро отказывались от одного или от другого, т.-е. от легального своего положения или от революционной деятельности,— чаще, понятно, от последней. Оно и понятно, что так происходило, иначе не могло быть при господствовавших в ту пору условиях. В виду того, что современному читателю совершенно невозможно себе представить то отдаленное время, постараюсь по возможности изобразить настроение нашей передовой молодежи конца 60-х и начала 70-х годов, т.-е. периода непосредственно предшествовавшего хождению «в народ».

Никаких революционных традиций это поколение не имело. О существовавших в начале 60-х годов тайных организациях,— об обществе «Земля и Воля», «Великоросс», «Молодая Россия» лишь редко кто слыхал, мельком почерпнул из третьих рук,— неоткуда было почерпнуть какие-либо сведения об этих кружках, так как сами участники последних находились на каторге, в Сибири или в Петропавловской крепости, легальная же литература, ввиду цензурных скорпионов, хранила обо всем этом гробовое молчание. Кое-какие отрывочные сообщения

о распространявшихся в то время, упомянутых мною выше прокламациях можно было вычитать только из заграничных изданий, но к концу того десятилетия они совершенно исчезли из виду и, если у кого и имелся, например, «Колокол», то он хранился под многими замками и печатями и лишь с чрезвычайными предосторожностями и отобранием предварительно торжественных клятв вручался очень близкому и «надежному» человеку [1]).

Насколько скудны были у молодежи конца 60-х годов сведения даже о происшедшем всего за 2 — 3 года до того Каракозовском деле, а также, вообще, о настроении тогдашней передовой молодежи, подробно сообщает В. И. Засулич в посмертном очерке о «Нечаевском деле». В качестве иллюстрации, приведу из него небольшую выдержку.

«Это был заговор (дело), тайное... Ишутин уговаривал их в таком роде: наступит великий час, мы люди обреченные... Судя по рассказам о нем, это был тип революционера, умевший разжигать настроение слушателей представлением о чем-то великом и таинственном. Как кружок, это общество существовало с 63-го года; члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообща устроенное общежитие. Во всяком случае, к осени 65 г. это были уже заговорщики: члены принимались с клятвами, и в их среде успел уже даже образоваться раскол, более крайние составляли, так сказать, общество в обществе, под названием «Ад». Целью его, вернее, шла в нем речь об избиении царской фамилии. После выстрела Каракозова полиция напала на след этого заговора... Все были переловлены и посланы в Сибирь. С тех пор о каракозовцах не было слышно: никто из них не выплыл в позднейшем движении... Каракозовцы не оставили ядра, около которого (молодежь) могла бы группироваться [2]).

Если столь отрывочны были сведения о самом крупном революционном акте 60-х годов в столицах, то понятно, вдали от них, в провинции вовсе не было об этом никакого представления. Как правильно сообщает В. И. Засулич в этой же статье, жившая в провинции передовая молодежь крайне идеализировала столичную жизнь. «Начало 60-х годов,—пишет она,— облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции он представлялся лабораторией идей, центром движения деятельности». Но, дорвавшись до Петербурга, где молодежь надеялась «посвятить себя делу» или даже просто — «революции», она натыкалась на ту же «шаткость»,

[1]) Напомню, что, как мною было уже сообщено в воспоминаниях «За полвека», впервые я случайно получил возможность познакомиться с каким то номером «Полярной Звезды» и «С того берега» Герцена только зимой 1874 г., следовательно, когда я не только уже стал социалистом, но и сжег за собою корабли. Насколько могу припомнить, ничего решительно не вынес я тогда из чтения этих произведений: они мне показались мало понятными и скучными.

[2]) См. сборник «Группа Освоб. Труда», № 2, стр. 23—26.

неопределенность понятий, на те же нерешенные вопросы, на «ерунду», от которой бежали из провинции [1]).

Действительно, в ту пору в России повсюду чувствовалась смесь стремлений куда-то, желание работать на благо «униженных и оскорбленных», при полной неизвестности, как осуществить эти стремления, как взяться за дело.

Но откуда взялось это стремление? Как и почему оно возникло в конце того десятилетия?

Я уже говорил, что к тому времени наступило разочарование в цели, в идеале «нигилиста» — путем личного «усовершенствования», «рационального устройства» своей индивидуальной жизни, вести вперед все общество.

Вместе с тем, все чаще и больше стали появляться известия и сообщения о крайне бедственном положении, в которое попали освобожденные крестьяне. Несмотря на цензурные строгости, все же проникали в печать,— в виде ли некрасовского стихотворения, беллетристического произведения, а то и судебного отчета,— тяжелые картины возникшего процесса расслоения населения страны. Начавшееся вместе с реформами быстрое насаждение всевозможных капиталистических предприятий вело к чрезвычайному обогащению немногих и одновременно к крайнему разорению трудящихся масс. У сколько-нибудь отзывчивой и сострадательной молодежи не мог не возникнуть вопрос, как она должна реагировать на происходящее? Что ей делать?

У нас установился, как несомненный, неопровержимый факт, будто появившиеся, приблизительно, в эту пору «Исторические письма» Миртова (Лаврова), трактовавшие о «долге образованных классов», возбудили у передовой молодежи стремление уплатить народу этот долг,— как будто до прочтения этого произведения не существовало такого стремления. Это, конечно, не верно.

Вполне независимо от этих писем, задолго до знакомства с их содержанием, многие молодые люди, независимо друг от друга, приходили к сознанию необходимости для «честного, мыслящего человека» работать на пользу обездоленного ближнего; «Исторические письма» лишь подвели под это сознание определенную формулу — обязательность уплаты долга. Но и эти «Письма» конкретно не разрешали уже до них явившегося вопроса,— каким образом можно сделаться полезным наиболее нуждающемуся населению?

Мы уже знаем, что предпринимавшиеся в разных местах обширной страны попытки осуществить это стремление на легальном поприще дали мало утешительные, вернее сказать, вполне отрицательные результаты. Естественно, поэтому, что у отдельных лиц стала появляться, особенно временами, надежда

---

[1]) См. сборник «Группа Освоб. Труда», № 2, стр. 26.

на «революцию». Правда, последняя представлялась очень смутной, неопределенной,— она скорее являлась повторением мало понятного чужого слова, хотя лица, произносившие его, кое-что и читали о Великой французской революции.

В этот-то момент, совершенно невыяснившихся стремлений, исканий и настроений, выступил Нечаев с его стремлением вызвать в стране народный взрыв. Обладай этот крупный революционер более обширным умом и образованием, чем какие были у него в действительности, он, быть может, увидел бы, что страна еще нисколько не подготовлена к радикальному и насильственному перевороту. Но возможно, что даже и при этом условии он не остановился бы перед подобной попыткой. Решился же, как мы уже знаем, Чернышевский звать барских крестьян, чтобы они готовились к той поре, когда «назначение выйдет». Если этот, обладавший изумительным умом и обширнейшей эрудицией, мыслитель считал допустимым такой прием деятельности в начале того десятилетия, то нет ничего удивительного, что далеко уступавший ему в указанных отношениях юноша Нечаев счел конец 60-х годов вполне соответствовавшим для народной революции моментом.

Само собой разумеется, симпатий лучшей части передовой молодежи Нечаевское дело не приобрело. Не служило оно, поэтому, ответом на волновавший ее вопрос — что делать? Раскрытые впервые судебным процессом (целиком печатавшимся в газетах), приемы, пущенные в ход Нечаевым,— мистификации, в особенности, убийство невинного товарища студента Иванова,— наоборот, показывали преобладавшему большинству, чего не следует делать. Тем не менее, этот процесс все же внес и нечто положительное, разбудив мысль, заставив думать, спорить и обсуждать, что можно и чего не следует делать, преследуя цель — помочь народу, «возвратить долги трудящимся массам».

Не вся сплошь молодежь осуждала нечаевцев,— находились среди нее беспристрастные лица, признававшие смягчающие их вину обстоятельства. Из произошедшего тогда же у меня с П. Б. Аксельродом спора я вынес впечатление, что он принадлежал к их числу. Аналогичное свидетельство приводит и Вл. Дебогорий-Мокриевич в своих «Воспоминаниях», которое приведу здесь.

«Одним из важных принципиальных вопросов, возбужденных у нас показаниями и объяснениями Успенского, которые он давал суду, в частности, по делу об убийстве Иванова, был вопрос о средствах, допустимых или недопустимых для достижения цели; и хотя мы отрицательно отнеслись к мистификациям, практиковавшимся Нечаевым, так как, по нашему мнению, нельзя было обманывать товарищей по делу; но в вопросе об убийстве Иванова, после размышлений, мы пришли к другому заключению,— именно: мы признали справедливым принцип «цель оправдывает средства»... Признание с нашей стороны этого принципа

было не что иное, как признание революционного пути. Вот тот важный шаг, который был сделан нами под впечатлением Нечаевского дела» [1]).

Но, повторяю, среди тогдашней передовой молодежи таких «крайних» были лишь единицы, да и они нескоро от слов о дозволительности «всяких средств» перешли к применению их на деле. Преобладавшее же большинство решительно отрицало этот принцип, считая его крайне вредным для успеха дела. В этом отношении особенно рельефно выделился почти одновременно с нечаевским делом возникший в Петербурге кружок Натансона, ставший затем известным под названием «чайковцев».

Совершенно правильно сообщали некоторые, что чайковцы организационные свои принципы выработали под влиянием гнетущего впечатления, которое вызвал у них Нечаевский процесс. В основу своей деятельности они, в противоположность Нечаеву, положили правдивость, искренность и безграничное друг к другу доверие. Для приема нового члена требовалось общее согласие, при малейшем возражении с чьей-либо стороны предлагаемый в члены кандидат не мог попасть в организацию.

«В члены принимались только хорошо известные лица, испытанные много раз, так что им можно было безусловно доверять,— сообщает П. Крапоткин в своих воспоминаниях. Прежде чем принять нового члена, характер его обсуждался со всею откровенностью, присущею нигилистам. Малейший признак неискренности или самомнения, и его не принимали... Наш кружок остался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью» [2]).

В этот кружок, действительно, входили некоторые из наиболее выдающихся представителей тогдашней передовой молодежи, и вполне правильно поэтому заметил П. Крапоткин в тех же «Записках», что когда «впоследствии свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием». Достаточно назвать Перовскую и Желябова, бывших членами этого кружка.

Свой облик искренности, самоотверженности и беззаветной преданности интересам угнетенных масс чайковцы также привили всем тем кружкам, которые, возникнув почти одновременно в разных университетских городах — в Москве, Киеве, Одессе,— вступили в тесную с ними связь. Эти провинциальные или филиальные отделения петербургских чайковцев невольно

---

[1]) «Воспоминания». Кн-во «Своб. Труд», СПБ. 1906 г., стр. 64 — 65.
[2]) «Записки революционера», изд. «Знание», 1906 г., стр. 275 — 276.

накладывали свой отпечаток не только на входившую с ними в соприкосновение молодежь, но также отчасти и на стоявших от них в стороне молодых людей, до которых доходили лишь отрывочные, смутные слухи о нравственной чистоте таких-то, мол, лиц.

Помню, между прочим, как на меня, еще не примкнувшего к наиболее крайнему направлению, благотворно влияли сообщения общих знакомых о хороших нравах, существовавших между членами киевских чайковцев, в число которых входили довольно крупные люди,— Н. Колодкевич, В. Эмме, Николаевская и др..

Но и совершенно независимо от непосредственного влияния чайковцев, в разных местах возникали кружки молодежи, члены которых руководствовались теми же принципами взаимного доверия и стремлением посвятить себя служению трудящемуся населению, к чему их подготовляли господствовавшие в стране условия. Нечаевщина, поэтому, являлась аномалией, исключением из общего правила, но, как мы видели, процесс нечаевцев оказал некоторое влияние, правда, на очень ограниченный круг молодежи, к тому же, главным образом, на южан, с тех пор, вообще, проявивших, как известно, большую склонность к наиболее крайним приемам, наряду с чрезмерным равнодушием к теориям и программам. Как я уже сообщал в других статьях, эти свойства южан оказали огромное влияние на весь дальнейший ход нашего революционного движения, но на этом я останавливаться не буду. Возвратимся к чайковцам.

VIII.

Давно известно, с чего началась их общественная деятельность: скупая у издателей тенденциозные произведения, они распространяли их среди молодежи, чем в сильной степени содействовали ее умственному и нравственному развитию. Затем, подобно своим предшественникам, чайковцы занялись, главным образом, преподаванием разных элементарных знаний фабрично-заводским рабочим, для чего на окраинах столицы они снимали специальные квартиры. Но эта чрезвычайно плодотворная деятельность была скоро прекращена как вследствие полицейских преследований, так и ввиду начавшегося «массового» движения «в народ» [1]). То же самое и приблизительно одновременно произошло с филиальными отделениями, а также и с аналогичными кружками, не находившимися под влиянием чайковцев.

Проследив, кажется, все обстоятельства, подготовлявшие небывалое ни в какой-другой стране «массовое» движение молодежи «в народ», естественно теперь поставить вопрос: каковы были ближайшие причины, вызвавшие это движение в начале 70-х годов?

Некоторые непосредственные участники этого движения изображают его подобно разразившейся вдруг в ясный день грозе. «Точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, призывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества»,— сообщает об этом Степняк в своей известной книжке «Подпольная Россия». «Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного и нравственного очищения» [2]).

Это изображение не совсем правильно, так как движение «в народ» не вдруг, не внезапно произошло, а, как мы видели,

---

[1]) Подробно и очень интересно о жизни и деятельности чайковцев давно рассказали в своих воспоминаниях некоторые из выдающихся их сочленов, кроме упомянутого Крапоткина: С. Синегуб в «Былом» за 1906 г., Л. Шишко — в брошюре «С. М. Кравчинский и кружок чайковцев», Лукашевич, Чудновский.

[2]) «Подпольная Россия», стр. 14—15.

постепенно подготовлялось, почему к сознанию необходимости отправиться в народ пришли, совершенно независимо друг от друга, лица, находившиеся в разных концах страны. Неверно также сообщение некоторых, будто бы движение «в народ» началось вслед за раздавшимся призывом Бакунина: «в народ!» Полагаю, что не он первый произнес этот клич,— последний вырвался одновременно у многих из наиболее пылких, впечатлительных и отзывчивых юношей.

Но почему движение в народ произошло в начале 70-х годов? Потому, отвечу, что, после всего испытанного нашей передовой интеллигенцией со времени освобождения крестьян, у нее только к указанному моменту вполне назрела решимость осуществить призыв, раздавшийся еще в самом начале 60-х годов, в «Колоколе», о чем, замечу к слову, едва ли кто-нибудь из семидесятников знал.

Как бы то ни было, раз возникнув, движение «в народ», действительно, приняло почти стихийный, «заразительный характер». Верность этого факта засвидетельствована решительно всеми его участниками. Вот что, между прочим, сообщает один из наиболее крупных, если не самый выдающийся, представитель этого революционного периода,— здравствующий С. Ковалик [1]).

«Повышенное настроение молодежи не поддается описанию, его можно только иллюстрировать примерами»,— рассказывает он.— «Нередко можно было встретить небольшие кружки самообразования или просто группы молодежи, которые еще ничего не слышали о начавшемся революционном движении и тем не менее в один вечер, после более или менее незначительных слов, сказанных агитаторами, сразу и окончательно переходили в революционный лагерь. Иногда для этого достаточно было прочесть какую-нибудь книжку или даже статью» [2]).

Аналогичных сообщений можно привести большое количество. Верно также, что, за редким исключением, всех присоединявшихся к начавшемуся тогда движению сразу охватывал неимоверный энтузиазм, готовность к безграничному самопожертвованию, к перенесению всевозможных лишений, страданий, дух подвижничества, аналогичный охватывавшему массы в великие исторические эпохи.

«Все, в ком была живая душа,—писал по этому поводу Степняк в своем известном произведении,— отзывались..., оставляя родной кров, богатство, почести, семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель

---

[1]) Его записки, озаглавленные «Движение 70-х г.г. по Большому процессу (193-х)» и подписанные «Старик», являются наилучшими и наиболее исчерпывающими из всего до сих пор появившегося в печати об этом периоде

[2]) «Былое» 1906 г., X, стр. 15.

являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности»... «Характерно то,— правильно замечает он,—что зараза распространилась даже на людей зрелых, с обеспеченным положением..., на судей, врачей, офицеров, и такие были не из наименее преданных делу» [1]).

Обыкновенные люди, средние во всех отношениях, быстро преображались, становились мало узнаваемыми, так как неожиданно проявляли такие свойства, которых незадолго пред тем никто, даже из наиболее близких и хорошо их знавших, не предполагал у них.

Охарактеризовав ряд участников этого движения, Ковалик в названных записках совершенно правильно заметил, что «это большею частью были обыкновенные, средние люди со всеми достоинствами и недостатками, присущими тогдашней революционной молодежи» (стр. 23).

Происходившая внезапно метаморфоза, превращавшая «средних людей» в изумительных альтруистов, героев, обусловливалась вдруг являвшейся у них глубокой уверенностью в возможность сразу превратить тогдашний возмутительнейший строй в самый совершенный, в котором не только будут осуществлены социалистические идеалы, но также будут обходиться без всякого начальства. И все это произойдет не через десятки лет, а в самом близком будущем, лет через пять-шесть. Нечего, поэтому, было дорожить настоящими благами, удобствами, есть из-за чего жертвовать решительно всем. Поэтому все, без малейших колебаний, легко и охотно отказывались от своего привилегированного положения, от карьеры, покидали учебные заведения, отдавали все, что у них было. Более того: расставались, хотя и с болью, с дорогими, близкими, родными, со своими любимыми семьями, чтобы, порвав связи с прошлым, целиком посвятить себя делу служения трудящихся масс.

Среди всех единомышленников, при первых же встречах, с первых же слов устанавливались наилучшие братские отношения, никто не считал ничего «своим»,— все принадлежало всем, как это случается только в исключительно хороших, дружных семьях. Такие сердечные, альтруистические отношения между приверженцами возникают только в великие исторические эпохи, когда прозелитов нового движения охватывала непоколебимая вера в правоту своего учения и в скорое его торжество.

Не только зеленая молодежь, но и вполне солидные, серьезные установившиеся люди прониклись тогда искренним убеждением в полной возможности победы в очень близком будущем. Так, П. Лавров, полемизируя в 1874 г. с Ткачевым, упрекал его в том, что он призывает молодежь к совершению немедленного переворота, чем подвергается риску дело освобождения

---

[1]) «Подпольная Россия», стр. 14—15.

трудящихся масс; между тем, через несколько лет,— писал он,— эта цель может быть вполне осуществлена[1]).

Можно ли было сомневаться в близком торжестве, когда, как мы уже знаем, со слов Ковалика, достаточно было одного разговора, а то и прочтения брошюры или статьи, чтобы человек, совершенно равнодушный к судьбам обездоленных, лично незаинтересованный в изменении существовавшего строя, наоборот, самым тесным образом с ним связанный,— сразу отрекался от всего и превращался в горячего адепта социализма. Если такие быстрые превращения встречались на каждом шагу среди представителей привилегированных слоев, то можно ли было сомневаться в успехе пропаганды новых идей, когда они будут сообщены преобладающему большинству угнетенных трудящихся масс? Необходимо только, явившись среди них, объяснить доступным их пониманию языком причины господствующих всюду несправедливостей, а также указать им путь к коренному изменению современного строя, тогда наш умный, добрый, многострадальный народ согласится с этим, признает истинность нашей проповеди, и за редкими исключениями, начнет под нашим руководством готовиться к революции.

Приблизительно в таком свете представлялась, как известно, преобладавшему большинству тогдашней революционной молодежи ее ближайшая задача, к осуществлению которой многие немедленно приступили.

Возвращаясь к вопросу о «непатриархальном» отношении правительства к первым социалистам, я вновь спрошу: мыслимо ли было с его стороны вполне терпимое отношение к указанным стремлениям первых, так называемых, «мирных социалистов»?

.....

[1]) См. «Русской социально-революционной молодежи». Цюрих, 1874 г. Цитирую на память, но за смысл ручаюсь.

IX.

Отправляясь «в народ», наша молодежь так же мало знала его, как участникам крестовых походов известна была местность, в которой, будто бы, находился гроб Христа. При этом стоявшие на ее пути затруднения едва ли были меньшие, чем встречавшиеся крестоносцам. Преобладавшее большинство было совершенно не подготовлено к тяжелым условиям жизни наших крестьян,—к их непосильному труду, к отчаянной их обстановке, а также к их обычаям, воззрениям и проч., Большинство пропагандистов, будучи городскими жителями, проведшими предшествовавшие годы за книгами и тетрадями, без всякой подготовки, нередко прямо со школьной скамьи, взваливали на свои юные плечи колоссально сложную задачу, которая была непосильна значительно более взрослым, опытным и сведущим людям. Учиться тяжелому искусству, как подходить к народу со своей проповедью, революционерам 70-х годов приходилось ощупью, не пользуясь ни малейшим опытом предшественников, так как немногие, раньше пытавшиеся действовать среди крестьян,—не оставили после провалов никаких традиций своим преемникам. Некоторой иллюстрацией полного незнакомства пропагандистов 70-х годов с привычками, взглядами, симпатиями крестьян могут, мне кажется, служить происходившие в течение довольно продолжительного времени обсуждения между лицами, собиравшимися отправиться «в народ», в каком виде наиболее целесообразно и благоразумно явиться там,—в хорошем ли крестьянском платье или, наоборот, в обтрепанном? Исходя из предположения, что русский трудящийся люд сочувственно относится к бедному, несчастному, некоторые полагали, что следует нарядиться в лохмотья. Последовавшие этому указанию потом поплатились, так как, принимая их за бродяг, крестьяне не пускали их на ночлег; им поэтому приходилось проводить ночи под открытым небом в непогоду, дождь, вьюгу [1]). В лучшем случае крестьяне относились к проповеди этих «оборванцев» с добродушной усмешкой, но случалось, что, скрутив назад руки, они доставляли молодых энтузиастов в сельские и волостные правления.

---

[1]) См. подробное описание таких бедствий в уже не раз цитированных «Воспоминаниях» Дебогория-Мокриевича.

Меньше споров среди лиц, собиравшихся в народ, вызывали вопросы, как вести себя среди крестьян по отношению бога, царя, разных предрассудков,— разрушать ли эти авторитеты или обходить их молчанием?

В большинстве случаев, без всяких возражений, юные адепты соглашались, что целесообразнее, практичнее воздерживаться в беседах с трудящимися от малейшей критики народных взглядов, религии и пр.. Предлагалось, наоборот,— по крайней мере на первых порах, до приобретения более или менее значительного влияния на крестьян,— соблюдать решительно все крестьянские обычаи и привычки, креститься при входе в избу, ходить в церкви, соблюдать посты и т. д.

Не легко давалась некоторым из наиболее молодых и горячих противников отсталого, противников присущего народу консерватизма, необходимость приспособляться к нему, пускаться на обманы, лицемерить. Но желание «поднять темные массы до своего умственного и нравственного уровня», указать им наиболее верный и короткий путь к освобождению их от тяготеющих на них бедствий, заставляло альтруистически настроенную молодежь итти на всякие сделки и, таким образом, невольно вступать на путь признания принципа «цель оправдывает средства».

К указанным для неопытных юношей и молодых женщин при выполнении взятой ими на себя задачи неимоверным трудностям, проистекавшим как от их личных свойств, так и от той среды, которой они решили посвятить все свои силы, способности и даже жизнь,— присоединились жестокие преследования со стороны правительства. Несомненен, например, факт, что достаточно было попасться в руки властей, имея на себе крестьянское платье, чтобы за это «ужасное деяние», после нескольких лет предварительного заключения,— от условий которого многие потом сходили с ума, кончали самоубийством и т. д.,— угодить на многолетнюю каторгу в ужасные центральные тюрьмы или в Сибирь.

Но не менее тяжким бременем для юных энтузиастов, чем чуждые им условия крестьянской среды и предстоявшие им жестокие наказания со стороны правительства, являлось для них в преобладавшем большинстве случаев отношение к ним их родных, близких и вообще того общественного слоя, к которому они принадлежали по своему рождению и воспитанию. Правда, встречались родители,— преимущественно матери,— сочувственно относившиеся к охватившему их детей революционному настроению и к готовности их пойти на любые жертвы. Случалось, что иные матери даже сами оказывали активную помощь детям и их товарищам, зная какому риску они за это подвергаются; в записке гр. Палена, а за ней в обвинительном акте по процессу 193-х, приведены перечни, конечно, далеко неполные, этих «преступных» родителей, родственников и знакомых.

Но такие представители общества на первых порах являлись исключениями, белыми воронами. Преобладающее же большинство близких революционерам 70-х годов лиц обнаруживало вполне отрицательное, если не крайне враждебное, отношение к их стремлениям. На этой почве происходили иногда между «отцами» и «детьми» еще более сильные конфликты, чем в предшествовавшую пору, в период «нигилизма». Оно и понятно.

Тогда, в конце 50-х и в 60-х годов расхождение нового поколения со старым задевало только внешние формы жизни, не столько моральные, этические понятия и привычки, сколько эстетические взгляды «отцов», которые фактически ничего не теряли, не подвергались лично никаким особенным неприятностям или лишениям от того, что, например, «дети» отрицали поэзию, не признавали авторитетов, одевались по своему вкусу и пр.. Другое дело, когда «нигилист», отрицавший революционную деятельность, вдруг, часто вполне неожиданно для «отца», превращался в социалиста-анархиста, ни перед чем не останавливавшегося, на все готового. В этом случае задевались самые глубокие, кровные интересы родителей: здесь ставились на карту не только карьера и даже свобода их детища, но и самая жизнь последнего, так как всем было хорошо известно, как жестоко расправляется правительство с «политическими преступниками». К действительным тяжестям этих расправ напуганное воображение обывателей еще прибавляло циркулировавшие в стране страшные рассказы о «застенках» и применявшихся в них «пытках».

Не только за своих детей, за себя самих приходилось дрожать «отцам», в семьях которых обнаруживался революционер: в квартиры ничего не знавших и ни в чем не подозревавших своих сыновей и дочерей мирных обывателей, в поздний ночной час, с шумом врывались жандармы и полицейские, перерывавшие все вверх дном и затем увозившие с собою то одного, а то и нескольких молодых членов семьи, после чего иные более уже не возвращались. Случалось, что заодно с детьми забирали и кого-нибудь из родителей. Неудивительно, поэтому, что всюду,— преимущественно среди интеллигентского слоя,— господствовала сильнейшая паника. Неимоверный страх охватывал, поэтому, родителей при известии, что кто-нибудь из их детей прикосновенен к революционерам. Перед их глазами вставали мрачные картины, отчего некоторые заболевали.

Из-за чего происходили все эти несчастья и страдания, в большинстве случаев бедные родственники не имели никакого или лишь очень смутное представление, так как из конспиративных соображений, чтобы так или иначе не подводить своих близких, революционеры не посвящали их в свои планы. Если же случалось, что родители тем или иным косвенным путем узнавали о происшедшей метаморфозе с их детьми, то, понятно, это не вызывало у них ни малейшей симпатии или удовольствия.

В лучшем случае, когда между родителями и детьми существовали любовные отношения, взаимное понимание и дружба, объяснения кончались мольбами и слезами; а при разногласиях между «отцами» и «детьми», возникавших нередко еще до превращения последних в социалистов, известие о том, что сын или дочь примкнули к противникам существовавшего строя,— приводило родителей в ярость; они, как говорится, рвали и метали, в семье поднимались отчаянные, а то и возмутительнейшие сцены, доходившие подчас до рукопашных расправ и угроз передать виновного, совратившегося с истинного пути, в руки правительства.

В большинстве случаев такие родители или родственники вовсе не являлись особенно дурными, скверными людьми, деспотами или отчаянными реакционерами,— встречались, конечно, и такие,— они лишь не понимали ни начавшегося в стране революционного движения, ни охватившего лучшую часть учащейся молодежи настроения. Да откуда в ту пору могли они почерпнуть об этом сведения. Подпольной литературы родители, члены общества, боялись пуще огня, так как им было хорошо известно, что даже за одно лишь держание в руках нелегального листка можно было угодить на каторгу; легальная же печать хранила о начавшемся хождении в народ гробовое молчание. Исключение составляли лишь отрывочные и извращенные правительственные отчеты о происходивших политических процессах, конечно, в специальных судах и при закрытых дверях, да бешеные, полные клеветы на все передовое, нападения былого либерала, ставшего затем отчаянным мракобесом,— редактора «Московских Ведомостей» и журнала «Русский Вестник», М. Н. Каткова. У него же нашел себе радушный прием некий Дьяконов-Незлобин, одно время вращавшийся среди эмигрантов, но вскоре затем перешедший на сторону гонителей и хулителей всего прогрессивного. Этот-то низкий клеветник начал помещать на страницах «Русского Вестника»,— если память мне не изменяет,— за 1873 — 75 г.г. ряд «романов» из жизни «революционеров» под зазывавшими заглавиями, вроде «Кружковщина» и «Коммуна», в которых передовой молодежи приписывалось нарушение всех заповедей. Как ни омерзительна была эта «литература», она все же имела влияние на некоторых, настроенных крайне отрицательно к революционерам: из нее-то они черпали аргументы против всего, что было дорого передовой молодежи.

Если не злостно клеветали, то все же недружелюбно относились к революционерам вплоть до конца того десятилетия, даже такие выдающиеся писатели, как Тургенев и Н. К. Михайловский. Что первый еще в середине 70-х годов совершенно не понимал тогдашних революционеров, лучшим доказательством служит посвященный им роман его «Новь», не без основания признанный многими за одно из самых слабых его

произведений; современные же его появлению (в начале 1876 г.) социалисты увидели в нем каррикатуру на пропагандистов[1]).

Михайловский печатно не выступал против начавшегося хождения в народ, но из уст в уста тогда передавалось его отрицательное и насмешливое отношение к этому крупнейшему явлению в жизни лучшей части нашей молодежи. Говорили, что он считает хождение в народ нецелесообразным, бессмысленным актом, называя его «маскарадом» и т. п.. В этом отношении с Михайловским случилось то же самое, что потом, спустя 20 лет, произошло с ним, когда он (в 90-х г.г.) так же, не поняв нового социал-демократического движения, отнесся к нему в высшей степени несправедливо, высокомерно, враждебно, за что, по его собственному сообщению, он потом удостоился похвалы со стороны министра внутренних дел, Плеве.

Замечу здесь, к слову, что для революционной нашей молодежи первой половины 70-х годов Михайловский не только не являлся «властителем дум», как ошибочно утверждают некоторые «знатоки» нашего общественного движения, но он совершенно не пользовался ее симпатией и уважением [2]).

Можно ли после всего вышесказанного удивляться тому, что среди мирных обывателей предпринятый революционной молодежью «маскарад» вызвал вначале возмущение, злобу. К тому же не надо упускать из виду, что огромное большинство «отцов» не только не идеализировало русского крестьянина, как это делала молодежь, а, наоборот, вслед за Базаровым, считало его способным «самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке», почему «мужик» заслуживал не преклонения перед ним, а «презрения». Жертвовать ради мнимого благополучия этого «лентяя и пьяницы» своей свободой и жизнью, не говоря уже о спокойствии родителей и близких, «отцам», естественно, казалось полным абсурдом, нелепостью, своего рода помешательством.

Таким образом, революционной молодежи, не находившей,— за упомянутыми редкими исключениями,— ни содействия, ни сочувствия со стороны либеральной части общества, поневоле оставалось довольствоваться только своей средой или, как говорится, вариться в собственном соку. От этого, понятно, происходила ее односторонность, узость и незнание всех условий действительной жизни. Все это вновь давало повод «ученым» и «мудрым» либералам глумиться над тогдашними революционерами, величая их «недоучками». Правда, ко многим из них эта кличка подходила, потому что, руководимая стремлением поскорее освободить трудящихся, лучшая часть молодежи, как известно, добровольно оставляла средние и высшие учебные заведения.

---

[1]) См. подробно об этом мою статью в журн. «Творчество» за 1922 г..

[2]) Подробно об этом в упомянутых воспоминаниях С. С. Синегуба на страницах «Былого» за 1906 г.

Если у этой молодежи и были изъяны в образовании,— чего, однако, далеко нельзя сказать о всех тогдашних революционерах, так как между ними находилось не мало очень развитых людей,— зато огромное большинство ее обладало такими выдающимися свойствами, которые с лихвой уравновешивали все ее недохватки. Присущим, как мы уже знаем, этой молодежи ни перед чем не останавливавшимся самопожертвованием, энтузиазмом и преданностью народным интересам она, если не превосходила, то и не уступала наилучшим своим предшественникам на революционном поприще как России, так и остальных стран цивилизованного мира: это поколение, повторяю, собрало в своих рядах многих из наиболее талантливых молодых людей той замечательной эпохи.

Только благодаря выдающимся своим умственным дарованиям и изумительным душевным свойствам, революционная молодежь 70-х годов могла,— при окружавшем ее, в общем, враждебном отношении,— задаться столь сложной и тяжелой целью, как распространение социалистических стремлений среди наших крестьян.

Конечно, эта задача была утопична, фантастична, но ничего странного, а тем более смешного, не было в описанном увлечении нашей революционной молодежи, если мы примем во внимание, что начиная с 40-х годов все наиболее выдающиеся наши критики и публицисты,— Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов — развивали в своих произведениях взгляды западно-европейского утопического социализма.

* * *

Вышеизложенное вызвано у меня чтением замечательного произведения одного из столпов Александра II. Обхожу молчанием постигшее участников хождения в народ тяжелое разочарование относительно готовности наших крестьян немедленно приступить к созданию наисовершеннейшего анархо-социалистического рая,— об этом уже давно и подробно изложено многими в печати.

В заключение замечу по поводу написанного, как я уже сказал в предисловии, Д. А. Клеменцом послесловия к записке гр. Палена,— что в нем правильно все, относящееся к характеристике русского правительства, но, конечно нельзя согласиться с теми его взглядами, которые он высказывает в качестве анархиста. Затем, совершенно неверно его заявление, будто «Бакунин имел слабое и незначительное влияние на русское революционное движение». Наоборот, большее, чем кто-либо другой, оказал он влияние: «апостол всеобщего разрушения» господствовал над умами нашей революционной молодежи в течение длинного ряда лет, вплоть до торжества марксизма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Успехи революционной пропаганды в России.*)

«Мы получили копию с печатного экземпляра записки министра юстиции графа Палена, с поручением издать ее отдельной брошюрой для революционной пропаганды. С удовольствием исполняем это поручение, потому что записка действительно как нельзя более соответствует подобной цели; это тот знаменитый документ, которым по очереди вдохновлялись мудрый министр народного просвещения граф Толстой и пресловутый прокурор саратовской судебной палаты Жихарев в своих циркулярах, вызвавших в последнее время столько толков в русском обществе и столько реакционных словоизвержений в нашей буржуазной прессе.

Предупреждаем, что в рукописи, нам присланной, оказалось несколько мелких ошибок и пропусков; при исправлении их мы могли руководствоваться только одними соображениями вероятности, а потому, быть может, найдутся и в печати некоторые ошибки и неточности,— особенно в собственных именах и фамилиях,— настолько, впрочем, незначительные, что от них не только не пострадает общая верность печатаемого документа, но даже сохранится неприкосновенным весь блеск его канцелярского красноречия и логики».

(Редакция газ. «Работник»).

Экспедиция шефа жандармов.

№ 101.

В начале 1874 г., в некоторых из губерний средней и преимущественно восточной полосы России, стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопределенные, потом все более и более ясные и несомненные, и, наконец, 31-го мая того же 1874 года было возбуждено в городе Саратове дознание о распространении в народе книг революционного содержания. Первыми же действиями этого дознания было установлено, что многие молодые люди, из которых некоторые бросили учение, оделись в крестьянские костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и в качестве простых чернорабочих двинулись, по их выражению, «в народ», имея задачею проводить в нем, путем печатных сочинений и устной пропаганды, революционные идеи. Развиваясь далее, саратовское дознание обнаружило: во 1), что в Москве уже довольно продолжительное время существует типография, содержимая правительственным стенографом Мышкиным и управляемая чиновником канцелярии московского генерал-губернатора Уткиным, в которой набирались и печатались книги и брошюры преступного содержания, массою захваченные

*) Издание газеты „Работник".

в Саратове и долженствовавшие служить делу распространения в народе вышеозначенной пропаганды; во 2), что пропаганда эта не ограничивалась какой-либо отдельной местностью, а развивалась в большинстве великорусских и малорусских губерний; в 3), что деятели ее вполне между собой солидарны как по направлению конечной цели, так и по самым приемам, средствам и способам своих действий. Произведенными дознаниями настолько уже выяснились в настоящее время все фазисы развития в России преступной революционной пропаганды, что представляется полная возможность с вероятностью определить как ее общий характер, так и те основания и условия, в силу существования которых в самом обществе она могла принять столь обширные размеры и выразиться в столь прискорбных проявлениях.

В главных чертах обнаружено следующее: дело распространения революционной пропаганды есть дело не новое, выросшее и созревшее лишь в 1874 году.

Еще в конце шестидесятых годов в городах С.-Петербурге и Москве, в среде учащейся молодежи стало проявляться стремление к образованию ассоциаций, кружков с целью взаимного денежного вспомоществования, обмена мыслей и пополнения путем чтений и бесед пробелов школьного учения. Эти кружки «самообразования», как их называли сами участники, вначале имели лишь приведенную выше задачу и программа их деятельности не переходила за пределы чисто-теоретических литературных споров и юношеских увлечений [1]). Материальные же средства, собираемые друг с друга, шли исключительно на поддержку бедных товарищей и покупку книг дозволенного содержания. Нет никакого сомнения, что направление, принятое в это время нашею, так называемою, обличительною литературой и систематическое преследование некоторыми из повременных изданий, как заграничных, так и местных, революционных тенденций, более или менее замаскированных громкими фразами о нуждах, пользах и бедственном положении низших классов народа, не могло пройти бесследно и не повлиять на впечатлительную и незнакомую с действительными условиями и потребностями государственной и экономической жизни народов молодежь, столь естественно стремящуюся в своих мечтаниях к возможности осуществления недосягаемых идеалов всеобщего братства, равенства и свободы. И вот в среде упомянутых выше кружков «самообразования» стали все чаще и громче подыматься и обсуждаться вопросы о причинах существования и средствах облегчения и устранения того безвыходно-бедственного, будто бы, положения наших рабочих классов, о котором писалось и говорилось на все тоны и которые проверить и изучить для учащейся молодежи не представлялось возможности. При суждениях об этих предметах указывалось на безграмотность нашей народной массы, как на одну из главнейших причин ее угнетенного положения и на необходимость поэтому, прежде всего, озаботиться поднятием уровня ее умственного и нравственного развития.

Такими, в сущности, еще совершенно безвредными кружками были первоначально кружки студентов Петербургского университета и Академий: Медико-Хирургической и Петровской земледельческой, а позднее и воспитанников гимназий, семинарий и других учебных заведений, как в столице, так и во многих губернских городах: Саратове, Пензе, Казани и пр..

Между тем, в начале 1872 г. стали появляться в среде учащейся молодежи, и притом в довольно значительных размерах, книги и издания заграничной прессы уже прямо революционного характера и направленные к ниспровержению существующего в России государственного строя. Издания эти, будучи произведением преимущественно русской эмиграции, имеющей в свою очередь близкие сношения с Интернациональным обществом, провозились в Россию или путем контрабанды, или лично

---

[1]) Что не мешало правительству преследовать за эти литературные споры и юношеские увлечения. (Прим. ред. „Работник“).

возвращавшимися из-за границы русскими путешественниками, которые, пропитавшись там теориями Бакунина и других ультра-демократов и социалистов, разносили по всем концам и классам России яд преступных учений и демагогических стремлений.

Такова, между прочим, личность Сергея Ковалика, получившего образование в Киевском университете и бывшего председателя съезда мировых судей Мглинского округа Черниговской губернии: развиваясь все более и более, поддерживаемая и руководимая во всех своих стремлениях постоянными сношениями с заграничным миром, русская революционная партия естественно должна была, прежде всего, обратить внимание на русскую учащуюся молодежь и, проникнув в нее под именем «друзей народа», стать во главе ее направления в качестве «глашатаев истины и добра». Первою, образовавшеюся с этой целью партией, может быть признана партия, так называемых, чайковцев, деятельность которых сначала проявилась в С.-Петербурге, а потом раскинулась и далее. Вращаясь, преимущественно, в среде молодежи и вербуя новых адептов, чайковцы проповедывали по Бакунинским рукописям (!) негодность существующего порядка: доказывали, что государство окончательно задавило и развратило русскую общину и что девизом того знамени, к водружению которого следует стремиться всем честным и благомыслящим людям, должно быть: «разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов,— организация разнузданной народной черни всего освобожденного человечества: создание нового общечеловеческого мира». (См. «Государственность и Анархия» стр. 38). Подделывать [1]) под взгляд молодежи, льстя ее пылким стремлениям и увлечениям, называя ее честной и искренней, до конца преданной социально-революционному делу,— Бакунин указывает ей на те средства, с помощью которых можно провести в жизнь начало социализма, уничтожение и замену начал государственных. Средствами он признает пропаганду в народе, пропаганду «боевую бунтовскую», утверждая при этом, что народ всегда глубоко ненавидел и ненавидит государство «всех его представителей, в каком бы виде они перед ним не являлись». Он доказывает далее, что народу необходимо выяснить его отчаянное положение, его силы для открытого восстания и тот способ организации, с помощью которого учащаяся молодежь,— умственный пролетариат, сольется с народом и чернью и сделается, таким образом, связующим звеном всех недовольных, с ее руководителями и поджигателями. Одним словом, полное водворение «анархии» есть тот идеал, к достижению которого должны стремиться все люди, желающие добра народу. Как ни дико подобное учение, тем не менее, сочинения Бакунина и проповеди его последователей имели на молодежь поразительное и страшное влияние. Не встречая нигде опровержения, сочинения эти интересовали молодежь, как все запрещенное, увлекали ее, как льстящие ее инстинктам и стремлениям, наконец, разделялись и усваивались ею, как разрешающие мучительный вопрос: «Что делать?».

С этого времени (1873 г.) кружки «самообразования» теряют свой первоначальный, т.-е. теоретический, характер и мало-по-малу переходят в сходки с ясно определенным направлением социального и демагогического свойства. Направление это растет и, наконец, под влиянием появившихся около этого времени первых выпусков, издаваемого за границей Лавровым (Миртовым) журнала «Вперед», в начале истекшего 1874 года, кружки петербургские и московские приходят к убеждению, что пора итти в народ, пора начать «действовать» (!). Сходясь в воззрениях относительно начал и конечных целей своих учений—уничтожения существующего порядка,— деятели революционной пропаганды могут тем не менее быть разделены на три отдельные группы, отличающиеся друг от друга теми средствами и приемами, которые каждый из них признает за наиболее успешные и действительные. Деятели первой группы утверждают, что

---

[1]) Подделываясь (? Л. Д.).

никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности, самых элементарных познаний, и что затем следует немедленно итти в народ под видом простых рабочих, мастеровых, проповедывать в его среде революционные идеи и подготовлять его к открытому восстанию. Деятели второй группы утверждают напротив, что для серьезного агитатора в среде простого народа необходимы прочные научные знания и некоторая опытность, при чем, однако, отрицают ученые дипломы и всякие аттестаты, как средства, крайне деморализирующие и обращающие свободного человека в буржуа, т.-е. в раба известной обстановки. Наконец, представители третьей группы — и, быть может, самой опасной,— не только требуют серьезной научной подготовки и общего образования, при чем не отвергают значения дипломов и аттестатов, но признают, что для действительно успешного и возможно быстрого достижения предположенной цели,— разрушения существующего строя, отнюдь нельзя ограничиться революционной пропагандой исключительно лишь в среде простого народа, а следует каждому революционеру действовать в той среде, где он находится,— независимо оттого, будет ли это сфера простого рабочего, солдата, мастерового, или же учителя, акушерки, врача, вообще, государственной службы.

Таким образом, в начале 1874 г. деятели революционной пропаганды начинают одновременно свою преступную деятельность в разных пунктах и сферах нашего общества. Обладая достаточной энергией и кое-какими материальными средствами, они не останавливаются ни перед чем, не стесняются никакими условиями и препятствиями, организуют постоянные между собой сношения, при чем весьма искусно затемняют их различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами, весьма быстро проникают в высшие, средние и низшие учебные заведения, семинарии, гимназии и сельские народные школы; совращают молодежь не только путем распространяемых книг и устной пропаганды, но и путем близких отношений с имеющимися в их среде в немалом количестве молодыми женщинами и девушками, и к концу 1874 г. успевают покрыть как бы сетью революционных кружков и отдельных агентов большую половину России. Дознаниями раскрыта пропаганда в 37 губерниях.

Выдающиеся черты деятельности пропагандистов в этих губерниях выразились в следующем: 1) в С.-Петербурге: а) значительное количество революционных кружков, действовавших как на месте, так и внутри России, куда они посылали своих агентов; б) пропаганда в заводском и фабричном населении под видом обучения грамоте, при чем были заведены школы для рабочих у студентов: Стаховского, Синегуба, Клеменса и отставного артиллерийского поручика Кравчинского; в) столярные и сапожные мастерские Богомолова и кузницы в разных местах, устроенные с целью обучения ремеслу молодых людей, готовящихся итти в народ. Одним из главных деятелей в Петербурге был князь Крапоткин, у которого найдена программа пропаганды. 2) В Москве: а) устроенная с тою же целью, как и в Петербурге, столярная мастерская студентов Флоренко и Войнаральского: сапожная того же Войнаральского, казака Глушкова и дворянина Дубенского; б) типография стенографа Мышкина, в которой печатались брошюры, предназначенные распространению в народе; г) агенты, сносившиеся с провинциальными кружками, доставляли им необходимые сведения о ходе дела, денежные средства и книги; д) пропаганда отдельных лиц в среде рабочего класса. 3) Новгородская губерния: земская школа дочери генерал-майора Софии Лешерн-фон-Герцфельд. 4) Тверская губерния: кузница крестьянина Павла Григорьева, устроенная на средства пропагандистов одного из петербургских кружков. 5) Ярославская губерния: а) обширная пропаганда, веденная в среде местных крестьян помещиком Иванчин-Писаревым и некоторыми другими лицами и б) открытая ими столярная мастерская. 6) Тамбовская губерния: а) оружейная мастерская мещанина Арева, служившая агентурой для тамбовских деятелей и б) пропаганда в разных слоях общества.

7) Пензенская губерния: а) устройство отставным поручиком Рогачевым, при содействии Войнаральского, особого революционного кружка из местной учащейся молодежи; б) склад напечатанных в типографии противозаконных брошюр у акцизного надзирателя Жилинского; в) мелочная лавочка, устроенная Войнаральским в селе Степановке, для ближайшего общения с народом и г) столярная мастерская мещанина Ершова. 8) Саратовская губерния: а) преступная деятельность как местных, так и прибывших из Москвы и Петербурга революционных деятелей; б) заведенная ими сапожная мастерская, где был и склад запрещенных изданий, и в) притоны для агитаторов у Цветковой, Мейера и Софинского. 9) Самарская губерния: а) весьма деятельная пропаганда как местных, так и приезжих агитаторов; б) два особых местных кружка; в) притон на постоялом дворе Фоминского и агентура писца Дегтерева и семинариста Пономарева; г) притон в риге у Кадьяна; д) пропаганда в тюремном замке. 10) Казанская губерния: а) агентура у студента Овчинникова; б) деятельность членов Голоушевского кружка. 11) и 12) в Оренбургской и Уфимской губерниях: деятельность, так называемого, Голоушевского кружка, первоначально образовавшегося в Петербурге. 13) Нижегородская губерния: а) пропаганда в селе Павлове; б) притон у бывших семинаристов Серебровских; в) местный кружок. 14) В Воронежской губернии: а) пропаганда школьного учителя Цебенкова в Острогожске. 15) Курская губерния: деятельная пропаганда разных лиц и в том числе помещицы Субботиной. 16) Харьковская губерния: три отдельные кружка Ковалика, девицы Андреевой и студентов ветеринарного института. 17) Екатеринославская губерния: а) бондарная мастерская, открытая на средства членов Одесского кружка (Петр Макаревич, Николай Жебунев), прусского подданого Лангенса; б) библиотека Павловского в Таганроге, из которой распространялись книги преступного содержания. 18) В Полтавской губернии: а) ферма на хуторе помещицы Колесниковой, в которой работали члены киевского и харьковского кружков. 19) В г. Одессе: а) кузница Николая Жебунева и б) особый кружок Макаревича и Волховского, присоединившийся к кружку Жебуневых. 20) В Киевской губернии: а) местный кружок с общим притоном пропагандистов под названием «коммуна» и б) съезд кружков Жебуневых, на котором выработана их программа. 21) Черниговская губерния: а) кружок Жебуневых и б) школа сельских учителей: Сергея Жебунева, Михаила Каца и Трезвинского. 22) В Ковенской губернии: ферма помещицы Филипповой, устроенная членом киевского кружка Екатериной Брешковской. 23) В Каменец-Подольской губернии сельская школа учительницы Александры Охременко и учителя Топчаевского. Независимо от этого преступная революционная деятельность как отдельных личностей, так и членов, открытых в других местах, кружков обнаружена в губерниях Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимирской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и Земле Войска Донского.

Всех привлеченных ныне в качестве обвиняемых к дознанию, произведенному в этих губерниях — 770, из них мужчин — 612, женщин — 158; под стражею — 265, на свободе 452; неразысканных — 53. Дознания показали, что многие лица немолодые,—отцы и матери семейств, обеспеченные и материальными средствами, и более или менее почетным положением в обществе,—не только не противодействовали, а напротив нередко оказывали им видимое сочувствие, помощь и поддержку, как бы не сознавая в слепом своем фанатизме, что конечным последствием подобного образа действий должна быть гибель всякого общества и их самих. Так, довольно богатый землевладелец и мировой судья Пензенской губернии Эндауров способствовал укрывательству одного из главных и опасных деятелей—Войнаральского, бывшего прежде того мировым судьей в Городищенском уезде. Так, жена Голоушева, полковника оренбургского губернского жандармского управления не только не отклонила своего сына от участия в деле преступной пропаганды, а напротив помогала ему

советами и сведениями. Так, профессор ярославского лицея Духовский не только принимал к себе агитатора Ковалика, но познакомил его и, так сказать, ввел во внутреннюю жизнь студентов-лицеистов. Так, весьма многие из уроженцев Вятской губернии, привлеченные к дознанию в качестве обвиняемых в государственных преступлениях, оказались стипендиатами вятского земства, а председатель вятской губернской управы Колотов в выборе лиц на земские должности советовался со студентом казанского университета Овчинниковым (весьма сильно скомпрометированным по дознанию) и без его рекомендации не давал места. Так, автор нескольких сочинений, земский врач Португалов принимал к себе лиц, заведомо скрывающихся от розысков правительственных властей и помогал им продолжать преступную деятельность. Так весьма богатая и пожилая женщина, помещица София Субботина не только лично и открыто вела революционную пропаганду среди ближайшего крестьянства, но склоняла к тому же свою воспитанницу Шатилову, и дочерей, даже несовершеннолетних, посылала доканчивать образование в Цюрихе.

Так, Плетнев, отец (бывший Чембарский казначей), прочитав найденную им у сына, гимназиста, книгу революционного содержания, прямо заявил, что готовит сына «для народа». Но к его несчастью, правительство это своевременно обнаружило. Так, дочери действительных статских советников Наталья Армфельд, Варвара Батюшкова и Софья Перовская, дочь генерал-майора София Лешерн-фон-Герцфельд и многие другие шли в народ, занимались полевыми поденными работами, спали вместе с мужчинами, товарищами по работе, и за все эти поступки, повидимому, не только не встречали порицания со стороны некоторых своих родственников и знакомых, а, напротив, сочувствие и одобрение. И таких примеров много. Примеры эти, без сомнения, должны служить подтверждением того убеждения, что успехи пропагандистов зависят сколько от их собственных усилий и деятельности, столько же от той легкости, с которой их учения проникают в разные слои общества и от того сочувствия, которое они встречают. Так, например, трое из самых ярых вожаков крайней революционной партии: отставные артиллерийские поручики Рогачев и Кравчинский и студент Клеменс проживали несколько месяцев в разных семейных домах города Москвы, отнюдь не скрывая, а напротив пропагандируя свои учения и направления (!). Тот же вышеупомянутый Рогачев в Пензенской губернии познакомился с бывшим мировым судьей Войнаральским, который затем и обратился в одного из самых ревностных его последователей, пожертвовав почти всем состоянием до 40.000 р. на дело революционной пропаганды. В виду возможно большего и быстрого ее распространения в городах и селах устраивались школы, мастерские, рабочие артели и т. п.. Так, в Петербурге, и Москве устраивались мастерские: сапожные, столярная, слесарная и кузнечная; в Саратове — сапожная, в Одессе — кузнечная, в Екатеринославе — бондарная, в в губерниях Полтавской, Курской, Ковенской на фермах проживали пропагандисты и готовились к пропаганде среди земледельческого класса.

Подготовляя себе среди рабочего классе адептов и помощников, и в свою очередь, пропагандистов, вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды. а также посредством огромного количества книг и брошюр, написанных в форме общедоступных народных рассказов. Таковы: «Дедушка Егор», «Митюха», «Степные очерки» Левитова, «Очерки фабричной жизни» Голицинского, «Сила солому ломит» и т. п.. Во всех этих книжках пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплоатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов. К подобным книжкам, но уже с более определенным бунтовским направлением, относятся брошюры «О Стеньке Разине», в коих восхваляются и воспеваются его действия и казнь, как подвиги великого гражданского мужества на защиту угнетенного народа. Далее следуют книги: «История французского крестьянина», «Сказка о четырех

братьях», «Сборник новых стихов и песен», «Хитрая механика», воззвание, начинающееся словами: «Чтой-то братцы». Эти последние сочинения уже явно революционного—вызывающего к открытому восстанию—направления. Так, «Сказка о четырех братьях» оканчивается следующими словами: «Гой вы, братцы мои любезные, уж неужто мы станем в Сибири сидеть, на казну работать государеву».

Действуя таким образом, агитаторы все менее и менее стесняются в выборе средств для своей преступной деятельности. Так, князь Крапоткин еще в 1873 г. объяснил на лекции, устроенной в С.-Петербурге в школе рабочим, о значении Интернационального Общества на западе и проповедывал революцию, устраивались сходки, библиотеки, кассы, достаточно подготовленные фабричные мастеровые снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, где должны были подговлять народ к восстанию, донося об успехах пропаганды своим учителям, организаторам, самое время для открытого восстания уже было ими намечено: предполагалось начать его тотчас по объявлении ожидаемой войны с Германией, при чем успех восстания обеспечивался отвлечением военных сил к границе. Песня играла всюду немаловажную роль, многие песни крайне возмутительного содержания выучивались наизусть, и даже, случалось, распевались на улицах. Всюду, где появлялись агитаторы, тотчас же образовывались или притоны для укрывательства, или оставлялись агенты для сообщения о ходе движения и извещения на случай опасности: у этих же агитаторов хранились адреса единомышленников в других городах и селах, ключи к шифрам, деньги и книги, к ним же обращался всякий вновь прибывший агитатор и получал пособия и указания, как и где действовать. В это же время из типографии Мышкина в Москве рассылались повсюду в огромном количестве книги и брошюры и вместе с тем печатолись сочинения Лассаля, предназначенные для молодежи в видах убеждения ее в необходимости изменения существующего экономического и социального строя и водворения коммунистических начал. На случай опасности пропагандисты нередко запасались револьверами, а в киевском революционном кружке выработан был план вооруженного сопротивления властям при арестовании и даже подготовлялись яды с тою же оборонительною целью. Вообще агитаторы не отказывались и от общих преступлений, и от близких сношений с общими преступниками, если находили в том свою выгоду. Так, в Саратове предполагалось для обогащения революционной кассы напасть с оружием в руках и ограбить одну богатую даму, приезд которой ожидался с большими деньгами для покупки имения. В письме студента Паевского прямо говорится, что он вполне сочувственно относится к возникающему сообществу, имеющему целью подделку и распространение фальшивых ассигнаций. В числе адресов, отобранных от Войнаральского, Речицкого, Логинова, оказались адреса известных в околодке конокрадов, воров и мошенников, как личностей более для их целей пригодных, чем элементы чистые и спокойные. В городе Николаевске, Самарской губернии, присужденные к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на каторжные работы и на поселение арестанты были подговорены к побегу, снабжены подпилками, фальшивыми печатями для паспортов и, наконец, ядовитыми порошками (?) для отравления конвоя все это для того, чтобы обратить их во врагов правительства и в так называемых «друзей народа». На вопрос одного из арестантов, зачем они, арестанты, им пропагандистам нужны,—было получено в ответ: нам нужен такой народ, который готов решиться на все, а народу этого легче набрать из арестантов-острожников,—из свободного народа решительных подобрать труднее. Нужны же нам решительные люди для того, «чтоб порешить власть царя».—Сын дворянина Андрей Кулябко, 15 лет, увлеченный в дело пропаганды Рогачевым и Войнаральским, как можно полагать, по приказанию Рогачева, уговаривал своего брата, 17-летнего мальчика, обокрасть дядю, который их обоих содержал и воспитал, и затем бежать с украденными деньгами. В Киевском кружке предполагалось ограбить почту, для чего 18-летний

отставной юнкер Горинович должен был поступить на службу в местный почтамт.

Заканчивая краткий обзор добытых дознанием данных, нельзя не вывести из них следующих главных положений. А) В России существуют тайные и противозаконные сообщества, имеющие целью ниспровержение государственного устройства всего существующего порядка и водворение полнейшей анархии. Б) Сообщества эти состоят из множества мелких, самостоятельно действующих отдельных кружков и даже личностей, не связанных между собою, как совершенною солидарностью целей и способов действий, так и постоянными сношениями. В) Сношение между кружками, а равно организациями новых, производится уполномоченными на то агентами. Г) Пропаганда производится как устно, так и прямым распространением книг, брошюр и вообще разного рода печатных и рукописных сочинений. Д) Стремясь к известной, точно определенной цели,— к ниспровержению существующего порядка, деятели революции идут по строго последовательно выполняемому плану. Е) План этот, в главных чертах изложенный программой князя Крапоткина, представляет, между прочим, ту опасность, что как бы ни были энергичны расследования и преследования виновных, все же несомненно останутся нераскрытыми несколько отдельных кружков и личностей, которые и будут неутомимо продолжать свою преступную деятельность. Ж) Быстрые успехи пропаганды должны быть приписаны как тому, что деятельность агитаторов не встречала довольно сильного и громкого порицания со стороны общества, которое, не отдавая себе вполне ясного отчета в значении и цели этих преступных стремлений, до сих пор относилась к ним с апатией, равнодушием, а иногда даже с сочувствием, так в особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингент лиц, занимающихся пропагандой, не находит отпора в той среде, где она растет и развивается, ибо те нравственные основы воспитания, которые может дать только семья, повидимому вовсе не развиты у многих из этих молодых людей, не обладающих при поступлении в школу никакими твердыми началами уважения религии, семейства, чужих прав, личности и собственности.

[Гр. Пален].

II.

От издателей газеты „Работник“.

Пять лет прошло после, так называемого, Нечаевского дела только пять лет, а как с тех пор изменились условия и характер революционного движения в России!

Пять лет тому назад русское правительство торжествовало: с иронией взирало оно с высоты своего величия на горсть революционной молодежи, осмелившейся выступить против него на неравную и, повидимому, безумную борьбу. Буржуазная публика и пресса вполне разделяли такое настроение правительства: им казались ничтожны, бессильны, смешны эти люди, которые могли увлечься фантастической программой «Народной расправы» и решиться действовать, не имея для этого под ногами никакой твердой почвы, сколько-нибудь гарантировавшей успех. Наконец, факт убиения Иванова, ряд нелепых мистификаций со стороны Нечаева, жертвами которых оказались многие из участников дела,— все это в глазах публики бросало невыгодную тень на русскую революционную молодежь. Правительство вздумало воспользоваться таким положением дел, оно решилось судить «нечаевцев» гласно. Этим оно надеялось достигнуть в одно и то же время двух целей: блеснуть либерализмом, а главное окончательно дискредитировать «нечаевцев» перед общественным мнением, выставив некоторых из них злодеями, убийцами, мистификаторами, а других — невинными жервами, слепыми и бессознательными орудиями чужих преступлений и тем нанести тяжкий удар всему революционному движению в России. Только первое удалось правительству,— газеты и буржуазная публика, действительно стали громко восхвалять его либерализм,— во втором же оно потерпело окончательное фиаско, и оружие, которым оно хотело воспользоваться, обратилось против него самого. Несмотря на старания прокуратуры выставить как можно рельефнее все негодные стороны нечаевского дела, несмотря на пошлость защитительных речей наших доморощенных Гамбетт и Жюль-Фавров — Спасовичей, Утиных, Урусовых и К°, старавшихся всеми силами изобразить своих клиентов какими-то наивными юношами, которые сами не ведали, что творили,— лучшая, самая живая часть нашего общества не поддалась обману: она вынесла из процесса убеждение в честности обвиняемых и в правоте их главных стремлений, она встретила среди них много личностей ей симпатичных. Таким образом нечаевский процесс послужил очень хорошим средством пропаганды, он подготовил для нее новую почву и под ее влиянием выработалось немало новых революционных деятелей. С другой стороны, нечаевский процесс оказал еще большую услугу русским революционерам: он выяснил им их прежние ошибки и заблуждения и заставил искать других, лучших путей для деятельности, новых, более разумных и практических средств к достижению своих целей. Эти пути, эти средства скоро были найдены. Появление Парижской Коммуны, этого великого мирового события, и более близкое знакомство с истиным характером и программой Интернационального общества рабочих, послужили поворотным пунктом, началом новой эры в развитии революционного дела в России. Старые государственные предрассудки со всеми их

последствиями,— стремление к централизованной, диктаториальной организации, к действию сверху вниз путем фантастических, на скорую руку сочиненных конспираций и т. п.,— были оставлены: молодежь приняла чисто анархическое направление и нашла твердую почву для деятельности в федеративной организации кружков, в пропаганде и агитации среди простого народа.

Вступив на этот единственно верный путь, революционное дело, естественным образом, не могло погибнуть и скоро должно было принести желаемые плоды. Не прошло пяти лет, революционная пропаганда уже успела проникнуть всюду, во все слои общества, густою сетью покрыла она Россию, везде встречала сочувствие и помощь. Число революционеров быстро возрастает; теперь уж они сила, с которой нужно считаться, стоглавая гидра, уничтожить которую невозможно, имя им — легион. Правительство очень хорошо понимает это; оно не знает, что ему делать. Стоит только прочитать записку графа Палена, чтобы убедиться, как времена переменились. Записка открыто признает необыкновенные и быстрые успехи революционной пропаганды, сочувствие, которое она всюду находит в обществе; она даже отдает должную справедливость неутомимой энергии агитаторов, их способности и ловкости; в каждой строчке ее сквозит сознание бессилия правительства, невозможности, в которой оно находится, пресечь или сколько-нибудь задержать развитие революционной агитации. Буржуазные газеты тоже переменили свой прежний тон времен нечаевского процесса; они заговорили об апатии общества, о недостатке в нем самодеятельности, необходимой для того, чтоб дать отпор «разрушительным стремлениям»; в них сказывается злоба и ненависть к сильному врагу, страх капиталистов, чувствующих, что близко время, когда им придется с оружием в руках защищать свои награбленные богатства.

Все это знамение времени.

Скоро ли настанет великий день освобождения, когда бурные волны народного моря окончательно затопят развратный буржуазный мир и уничтожат последние следы русской государственности,— определить нельзя, но при теперешнем положении дел, можно с уверенностью сказать, что нам, ныне живущим, предстоит завидная доля быть очевидцами и участниками обширного, плодотворного революционного движения в России, все последствия которого еще предвидеть трудно.

Скажем душевное спасибо графу Палену; записка его составляет для нас драгоценный документ, в ней, как в зеркале, отражается все беспомощное положение русского правительства и так убедительно аргументируется в пользу революционного движения, что она почти не нуждается в комментариях. Однако, мы не можем удержаться, чтобы не сделать некоторых замечаний на те места записки, где почтеннейший граф уж слишком увлекается своими министерскими фантазиями и верноподданническими чувствами и потому черезчур грешит против истины, тем более, что места эти могут, пожалуй, ввести в заблуждение людей, совсем незнакомых, или мало знакомых с общим ходом и характером русского революционного дела.

Прежде всего остановимся несколько на рассмотрении того значения, которое граф Пален придает отдельным личностям в революции. В этом отношении он является сторонником, так называемого, героического мировоззрения (что, впрочем, вполне прилично его графскому достоинству). Для него существуют только, с одной стороны, какие-то необыкновенные всесильные личности, а с другой — масса ничтожных, безголовых индивидуумов, которые, как какое-нибудь стадо баранов, слепо следуют за первыми. Так оказывается, что по мановению Лаврова, издателя журнала «Вперед», по одному слову этого «лондонского пророка» все петербургские и московские кружки решают, что пора действовать и итти в народ. Бакунин является у него страшным исчадием тьмы, всемогущим колдуном, который ухитряется отравить смертельным ядом своих «диких» и «нелепых учений» всю русскую молодежь и даже всех русских путешественников и туристов; эти дикие и нелепые учения имеют такое

«страшное, непонятное влияние», до того очаровывают молодежь, что она иначе и не может пропагандировать, как только по рукописям Бакунина (вроде того как граф Толстой и прокурор Жихарев пропагандируют по рукописям графа Палена).

Как ни умен, как ни всеведущ граф Пален, но многого он еще не знает и многому ему следовало бы поучиться. Не Лавров создавал петербургскую и московскую молодежь, не он сказал ей, что пора начать действовать, а, напротив, эта самая молодежь создала Лаврова; она вытащила его из мира трансцендентальной метафизики, в изучении которой он до того времени мирно проводил дни свои, на путь более живой деятельности; не он — ей, а она—ему крикнула: „вперед!“ Только под влиянием и под давлением этой молодежи принял Лавров ту программу, которая ошибочно зовется его программой и на которую он согласился даже не без сопротивления. Таким образом, если Лавров где-нибудь и слывет „пророком“, то уже, конечно, не в своем отечестве.

Что касается Бакунина и предполагаемого его огромного влияния на русскую молодежь, то и тут автор записки опять ошибается и видит вещи в сильно преувеличенном виде (ведь, у страха глаза велики). Нисколько не желая умалять значение Бакунина, как личности сильной и как талантливого агитатора, нисколько не отрицая услуг, оказанных им революции, мы должны, однако, заметить, что влияние его на русское революционное движение всегда было слабо и незначительно. Бакунин преимущественно посвящал свои силы заграничной революционной деятельности в среде Интернационального Общества Рабочих, -- Россией он занимался мало. Точно также и рукописи его, о которых с таким ужасом повествует граф Пален, более существуют в пылком воображении последнего, чем в действительности. Бакунин, прежде всего, был конспиратор, и охоты к литературной работе у него не было: поэтому он вообще писал редко, а если и случалось ему писать, то больше на французском языке, на русском же, кроме цитируемой графом Паленом „Государственности и Анархии“ да нескольких прокламаций, никаких других его произведений не имеется. Эти прокламации [1]), по отсталости и ложности идей, в них проводимых [2]), давно уже успели утратить всякое значение для русской революционной молодежи. Единственное сочинение Бакунина на русском языке, имеющее сколько-нибудь серьезное значение, это—„Государственность и Анархия“, но и оно отличается, как вообще все произведения Бакунина, более полемическими и агитаторскими достоинствами, чем оригинальностью мысли. Дело в том, что Бакунин не создал никакой личной доктрины, особой революционной системы [3]), свое анархическое направление он почерпнул в среде Интернационального Общества Рабочих, и если у него и были свои личные, присущие ему одному воззрения, то они касались частностей и вещей второстепенных и, следовательно, ничего не представляли такого, чтобы стоило их обособлять и выделять под специальным названием „Бакунинских идей“. Что Бакунин имел известное влияние на некоторых русских революционеров,—против этого, конечно, и мы спорить не станем, но он имел его не более других членов Интернационального Общества Рабочих, с которыми им приходилось сталкиваться, или сочинения и речи которых им удалось читать. Бакунии никогда не был для русской молодежи тем полновластным диктатором, тем непогрешимым авторитетом, каким считает его граф Пален. Времена диктаторов теперь безвозвратно миновали; русская молодежь в них больше не нуждается, она сама знает, что ей нужно делать [4]).

---

1) Назовем для примера: „Романов, Пугачев или Пестель“, „К офицерам русской армии“ и пр..

2) Бакунин, когда писал их, был еще „якобинцем“.

3) Да и, славу богу, личные доктрины и системы всегда бывают реакционны: им нет места в анархической революции, которая есть прежде всего дело коллективное.

4) Правда, у нас до сих пор еще водятся „якобинцы“, т.-е. сторонники того мнения, что в революции необходимы централизация, сильная власть, диктатура, но их очень мало и никто их больше не слушает: они—ихтиозавры и плезиозавры давнишнего геологического периода, каким-то чудом сохранившиеся до нашего времени и для всех серьезных рево-

Нет, любезнейший граф, не Бакунину и не каким-нибудь двум, трем другим личностям исключительно принадлежит честь революционной инициативы в России: честь эта, напротив, всецело принадлежит русской молодежи, энергии, уму и отваге которой вы сами, в вашей записке, принуждены отдать справедливость: той самой молодежи, которой, наконец, удалось, после продолжительной и отчаянной борьбы, создать грозную революционную силу, заставляющую вас содрогаться от страха; той молодежи, которая, несмотря на все ваши преследования, несмотря на все истязания, придумываемые для нее вашим повелителем и его достойными клевретами, смело и неустанно продолжает свое дело и не страшится всех ваших судов, тюрем и каторг! Только собственной инициативой русской молодежи, совершенно самостоятельной ее деятельностью, могли создаться бесчисленные кружки, вами так подробно перечисляемые, могли выработаться—тот анархический дух, который их оживляет, та великолепная федеративная организация, которая составляет всю их непобедимую силу и необходимое условие успешности всякого революционного дела.

Быть может, мы слишком долго остановились на разборе того значения, которое граф Пален придает некоторым людям и вообще отдельным личностям в русском революционном движении, и слишком много говорили об истинах, сделавшихся в настоящее время очевидными. Однако, как ни очевидны сами по себе эти истины, но, к сожалению, до сих пор еще есть люди, которые не могут понять их. Для них-то мы и писали. Пора раз навсегда покончить с нелепыми предрассудками, в которых революционеры так долго погрязали, приписывающими личности то влияние и значение, которое она никогда иметь не может; пора русской молодежи покончить с людьми, имеющими претензию быть генералами от революции, людьми, которые всегда, сознательно или бессознательно, только вредили всем коллективным революционным начинаниям и эксплоатировали в свою пользу чужой труд, мысль и даже славу. В прежнее время люди эти, быть может, имели свое значение и приносили пользу, так как они были представителями и естественными последствиями известного фазиса, через который неизбежно должна была пройти в своем развитии тогда еще юная революционная мысль. Но теперь, с тех пор, как революция стала вполне сознательной, то-есть анархической, им в ней уже более нет места; нет места таким людям в революции, стремящейся к тому, чтобы всюду, во всех сферах жизни, заменить личность—коллективностью.

Мы все сказали, что, главным образом, хотели сказать по поводу записки графа Палена. Мы имели в виду сделать на нее только несколько коротких замечаний, так как размер настоящей брошюры и необходимость издать ее как можно скорей (согласно поручению, полученному из России) не позволяют нам вдаваться в подробности и коснуться всех тех вопросов, которые невольно возбуждаются при чтении записки.

Но в заключение скажем еще несколько слов графу Палену по поводу обвинения в безнравственности, которое он взводит на революционеров в конце своей записки.

Прав или не прав Бакунин, утверждая, что русский народ ненавидит и всегда ненавидел государство,—об этом теперь говорить не станем,—но, что не подлежит для всех ни малейшему сомнению, что так ясно видно из всей вашей записки, граф Пален,—это то, что наша „молодежь" глубоко ненавидит русское правительство. Вековой гнет и нищета, кнут,

---

люционеров имеющие лишь значение курьезов. Все сколько-нибудь тактичные якобинцы, сознают это и считают лучшим молчать о своих убеждениях, под страхом, в противном случае, остаться в меланхолическом одиночестве и проповедывать в пустыне. Только якобинцы уже совсем наивные и, следовательно, совершенно безвредные печатно пропагандируют свои идеи. О степени их наивности и безвредности можно судить по следующим образчикам их политических концепций: они, например, утверждают, будто в России не существует буржуазии и пролетариата, потому что капитал у нас „еще в зародыше", а все крестьяне—собственники и что, следовательно, русскимре волюционерам остается бороться с одной политической властью, и т. п..

плаха, рваные ноздри, каторга, длинный ряд мучеников за свободу, начинающийся в тумане самой глубокой старины и непрерывно тянущийся до наших дней,—вот история русского народа, взывающая к мести. Свирепое, азиатское самовластие, безжалостный грабеж народа, самые чудовищные и невероятные преступления — вот история представителей государства российского, тепершний глава которого — я ваш повелитель, и вы, один из столпов этого государства, услужливый исполнитель всех царских велений, лакей Зимнего дворца, вы, граф Пален, вы еще смеете обвинять революционеров в безнравственности! Напрасный труд! — Правительственным обвинениям никто у нас не верит; на них один ответ — презрение.

Д. Клеменц.

Женева.
20 июля 1875 г.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

БИБЛИОТЕКА Аграрного ИНСТИТУТА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Вместо предисловия	5
Глава I	11
„ II	14
„ III	16
„ IV	19
„ V	21
„ VI	25
„ VII	30
„ VIII	36
„ IX	40
Приложения:	
Записка министра юстиции гр. Палена	49
От издателя газеты «Работник»	57

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ростов-Дон, ул. Фр. Энгельса № 90.
Москва, Волхонка, дом № 6.
Ленинград, Моховая ул. № 32 кв. 4.
Харьков, Екатеринославск. ул. № 32.